

ИБИС

**Альманах
№ 34**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

Номер файла:

●	1-я страница обложки	01
●	2-я страница обложки	02
●	Эпиграф к журналу	03
●	Сначала прочтите это	04
●	Портрет	05
●	Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский (продолжение)	06
●	"Оккультный мир" (выдержки из книги) — А. Синнет (1881)	07
●	Беседа 4-я опытного оккультиста с начинающим — Аноним	08
●	Теософский словарь	09
●	Настоящая литература! Продолжение повести Анат. Рыбакова "Прах и пепел" — о временах сталинизма	10
●	1001 случай криминала: легко усматривается эзотеричность	11
●	"Козёл на саксе": новая книга выдающегося музыканта А. Козлова	12
●	Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	13
●	"Альтист Данилов" (глава 30)	14
●	Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (глава 17)	15
●	Стихотворение — И. Бродский	16
●	Философема	17
●	Цитата номера	18
●	3-я страница обложки	19
●	4-я страница обложки	20

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

СТРОЕНИЕ ДУШИ (продолжение)

**Следующий план души — красивый цветочек
с вышитым на нем цветком — опять же связан с
творческим процессом и определяет**

способность образно выражать мысли. Так же индивидуален и следующий уровень, где находится символический образ способностей — того Божьего дара, таланта, который дан душе в этой жизни, в этом воплощении. Там может быть и образ деятельности — мольберт и кисти у художника, книга и ручка — у писателя, но бывают и общие свойства характера: скажем, цветы — талант доброты. У многих духовных людей на этом плане — Библия, Коран или Тора — знак проповедничества. У той же мадам Рекамье был на этом плане зеленый ковёр — способность создавать атмосферу для реализации талантов и т.п. Но Сатанинские силы часто похищают Божественные знаки и подсовывают вместо них какую-нибудь грязь или кошек и собак — свойства сварливости и злобности.

Следующий важный общий план, многое определяющий в складе характера и имеющий серьезное значение для общего самочувствия, выглядит как клумба, на которой растут небольшие, типа анютиных глазок, голубые, фиолетовые и белые цветы (частота 150 тыс.). Это эстетический уровень сознания — способность видеть, воспринимать красоту и гармонию форм, цветовых соотношений, музыкальных созвучий. Этот уровень очень тесно связан с творчеством и восприятием искусства, художественным вкусом. Но повреждение его вызывает специфические

сосущие головные боли, ощущение одновременно пустоты и грязной тяжести в голове. Через нарушение этого плана идет сильный вампиризм трех высших интеллектуальных потоков. У разных людей клумбы различаются и общей величиной, и пышностью цветов. Иногда попадаются засохшие клумбы с двумя-тремя цветочками — значит, способности этого плана совершенно не используются этим человеком. У людей, имеющих вкус к хорошему искусству и часто общающихся с ним — большие пышные клумбы, и за цветами не видно почвы.

Активная деятельность этого плана сознания является большой защитой от грязи нашей жизни. Возвышенные потоки, идущие через данный уровень сознания при общении с чистым искусством (если, конечно, человек способен его понять и оценить), очищают душу, буквально вытаскивают ее из болота и грязи обыденной жизни. У тех, кто далек от понимания красоты и изящества, значительно меньше радости, меньше возможностей для очищения, они постоянно пребывают в мрачном болоте бытовой суеты, никогда не обращая взгляд к чистоте и гармонии Небесных сфер.¹ Но надо еще и еще раз подчеркнуть, что я говорю о чистом Божественном, а не о Сатанинском

1

Еще раз хочу заметить, что никто из людей в своих утверждениях не прав на сто процентов — в том числе, разумеется, и автор. Так, например, в данном конкретном случае человек может не обращать свои взоры Наверх потому, что он уже это отработал, и ему в этой жизни нужно отработать другие вещи — например, смотреть именно вниз. (— Ред.)

искусстве, буквально заполонившем сегодня всё вокруг. Оно, наоборот, приносит вред и безжалостно разрушает тонкий план эстетического восприятия. О признаках такого лжеискусства я скажу в конце этого цикла статей.

Теперь я подошел к тому уровню рассмотрения строения души, на котором расположено главное руководящее ядро земного плана души — то, что и называют душой в узком смысле слова. Это ядро состоит из двух планов сознания: (1) сердца и (2) золотой основы души — частицы высшего золота, которая пошла на воплощение в нижние миры. Если на остальных уровнях организации ведущую роль играют вертикальные связи между планами различных сторон души, то здесь — уровень основного взаимодействия между ними, и решающее значение приобретают горизонтальные связи. Традиционная психология долгое время искала специальные центры способностей души в органах физического тела. Там их, конечно, нет, но они есть на тонком плане. Сердцу традиционно отводили область чувств, но это тоже не совсем верно. Центром чувств, или эмоциональным центром, является золотая основа души, которая выглядит на этом уровне как большая золоченая книга с толстыми страницами — типа старых фотоальбомов². Там

записаны все переживания души, все яркие впечатления за все прожитые жизни. Эти записи в книгу делают все действующие образы души: птицы, дух тела, план лошади и некоторые другие. Следит за четкостью и порядком ведения книги змейка Кундалини — хозяйка тела.

Ведущим планом сознания является серебристый светящийся шарик — проявление в наш земной мир той высшей частицы серебра, которая осталась в теле Бога-Отца при воплощении золота. Этот план называют иногда тонким или астральным телом, поскольку он может на время покидать физическое тело при глубоких медитациях (чем я не советую заниматься) и в момент клинической смерти: тогда его отождествляют с душой. Серебристый шарик действительно покидает тело первым, но это еще не окончательная смерть человека, с чем и связаны описанные в литературе случаи «возврата с того света». Смерть, полная и бесповоротная, наступает после ухода «золотой книги», обычно на 3-7 день после клинической смерти. Пока золотая книга на месте, возвращение серебристого шарика тонкого тела

и оживление человека еще возможны, чем и объясняются известные случаи возвращения к жизни — например, воскрешение Лазаря Иисусом. Золотая основа души Лазаря еще не покинула физическое тело, а по молитве Иисуса возвратилось и тонкое тело. Вместе же с золотой книгой уходят все остальные планы

души и внутренних органов, — если, конечно, душа достаточно чиста, чтобы пройти в чистилище³, а здесь остается только последний поверхностный слой физического тела из самых грубых частиц плотной материи.

Руководящий центр, определяющий глубинные мотивы волеизъявления, располагается чуть выше серебристого шарика, на одном уровне с книгой, но по масштабу чуть меньше книги (она помещается на частоте 132-148 тыс., он — 136-142 тыс.). Выглядит этот план как красивый хрустальный дворец, в котором живет хозяин — руководитель земного уровня сознания. Дворцы по форме одинаковы, но различаются величиной, и главное — своим жителем. Там чаще бывают птицы духовного плана, бывает и образ священнослужителя (как у Ельцина и Горбачева). Этот образ священника дает очень сильную защиту сознания. У других людей, и особенно часто у детей, во дворец нередко проникают лукавые и выгоняют полноправного жителя. Тогда человек становится беспокойным, раздражительным, агрессивным, неуправляемым. Иногда такое вселение вызывает легкие формы психических нарушений (тяжелые формы имеют более глубокие причины). В этом случае достаточно удалить непрошенных гостей, и в сознании восстановятся спокойствие и ясность. У

отрицательных личностей типа Гитлера или Берия на момент рассмотрения во дворце находились астралы Сатаны и его заместителей, чьим воплощением на Землю они, собственно, и были.

Этот треугольник — тонкое тело, хозяин дворца и золотая книга — участвует в решении всех основных вопросов, встающих перед душой. (Вспоминается «красный треугольник» советских времен — партком, профком и местком...) Первые два принимают решение совместно, но роль их в какой-то мере аналогична соотношению короля или президента с премьер-министром в государстве. Решение свое они передают сердцу, на его утверждение. Туда же посылает свои предложения золотая книга: она лишь советник, не имеющий реальной власти, а сердце, как парламент души, взвешивает все предложения, утверждает или отклоняет их. Сердце — важнейший орган, обеспечивающий внутреннюю гармонию души, слаженную работу всех ее сторон. Без его контроля не должно приниматься никакого решения. Это очень существенный принцип организации работы души. На тонком плане отчетливо видны восемь связей, идущих от сознания и золотой книги к сердцу, что на иконах православия и символизировано восьмилучевой звездой. Прямых связей между золотой женской и серебряной мужской сторонами души в норме быть не должно: они идут только через сердце,

где постепенно вырастается изумрудное зернышко любви, причастное сердцу мироздания — изумрудному слою Бога-Отца. Развивая сердечную заботливость, способность любви, душа и себя делает более гармоничной и совершенной.

И напротив, агрессивность, зависть, обидчивость и т.п. ожесточают сердце, делают его более грубым и грязным, и тонкие связи воли, чувства и разума начинают нарушаться. Если человек в жизни стремится навязывать свою волю окружающим, то это свойство проникает в душу: эмоциональный центр, тонкое тело и хозяин сознания начинают так же навязывать свои решения другим планам и постепенно разрывают душу на части. Наша внутренняя жизнь является отражением внешней⁴, и если человек не умеет наладить гармоничных отношений с другими людьми, то разлад проникает внутрь души. Отсюда можно лучше понять еще одну глубинную сторону второй заповеди Иисуса — любить ближнего как самого себя.

Накопление нарушений идет постепенно и незаметно. Сначала связи сердца с сознанием и золотой книгой души загрязняются, потом может произойти обрыв, и наконец, наиболее тяжелое нарушение — прямое включение

4

Эту фразу, я думаю, автор бы исправил, и согласился бы с тем, что мир внешний является порождением и отражением мира внутреннего — каждого человека и всего человечества в целом: как стоит у человека его точка сборки и каков вид человеческой полосы, таково и видение человеком окружающего его мира. Подробнее смотри у К. Кастанеды. (— Ред.).

эмоционального центра в сознание без посредства сердца. Это показатель серьезного психического заболевания. Такие нарушения можно сделать человеку и извне, то есть они могут возникнуть не по вине самого человека (не из-за нарушения им космических законов), а, например, при общении с людьми, страдающими тяжелой формой шизофрении и другими подобными болезнями: они часто переключают связи у своих собеседников. Если мы этого не заслужили, то связи через некоторое время восстановятся — за этим следят птица Здоровья, хозяин тела и наши духовные покровители из религиозных потоков. Но если заслужили, то, увы, у человека начинается смешение различных планов Бытия, он утрачивает соотношение чувства реальности и воображения, настоящего и будущего, существенного и несущественного. Именно сердце придает объёмность и глубину, перспективу ощущению жизни: без его участия всё это становится плоским и одномерным, всё смешивается в кучу, и эта пустая и болезненная эклектика возводится малыми умами на пьедестал и преподносится ими как якобы необходимая всем нам многозначность точек зрения, плюрализм. Такая потеря разума — очень серьезное наказание души, но — наказываем себя только мы сами, если нарушаем закон сотрудничества и любви. Бог не наказывает никогда: Он благ.

Впрочем, о сердце и эмоционально-чувственной стороне души я еще скажу далее, а сейчас закончу о структуре сознания.

Ведущая роль в его работе принадлежит серебристому шарiku тонкого тела. Это посланник Небес в наш земной мир. Тонкое тело осуществляет непосредственную связь с серебристой звездой. Оттуда идет импульс к совершенствованию души через взаимодействие с окружающим миром. Тонкое тело старается реализовать этот импульс. Оно помогает вписаться в окружающую обстановку, найти применение своим способностям, и главная его цель — чтобы душа обрела себя в жизни, принесла пользу себе и миру. Тонкое тело постоянно осуществляет и обратную связь — передает Наверх информацию о состоянии среды вокруг души, гармонии или разладе ее взаимодействия с социумом. Если на душу начинают лить много грязи, сыплются структуры черной магии и возникает угроза невыполнения ею своего назначения — тонкое тело бьет тревогу, требует вмешательства. В таких случаях душе может представиться возможность резко изменить свою судьбу — куда-то переехать, поменять работу, развестись с человеком, угнетающим достоинство и разрушающим таланты и способности личности, и т.д.

(продолжение предполагается)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Когда мадам Блаватская, в общем и целом, стала в Индии знаменитостью, ее контакты в кругу европейцев сделались более интенсивными. Она завела много друзей и обрела некоторое количество новообращенных последователей, уверовавших в реальность оккультных сил; но в то же время она стала невинной жертвой ожесточенного злопыхательства других своих знакомых, которые, будучи не в состоянии воспринять то, что они наблюдали в ее присутствии, встали на позиции скептицизма, перераставшего в откровенную враждебность по мере того, как сам предмет обсуждения окутывало облако более или менее эмоциональной полемики.

Нет нужды даже говорить о том, что многие газеты нажили на этой ситуации огромный капитал, высмеивая простодушные жертвы мадам Блаватской и искажая каждую крупницу информации о феноменах, которая преподносилась в самой нелепой и смехотворной форме, какую только можно себе представить. Естественно, английские друзья, открыто признававшие, что верят в оккультные

способности мадам Блаватской, ожидали такого рода издевательств. Вероятно, подобные насмешки не вызвали у этих людей даже минутного раздражения. Но для той сверхчувствительной и возбудимой личности, на которую были главным образом направлены эти издеательства, они оказались неописуемо мучительными; в конце концов даже стало неясно, хватит ли у нее терпения, чтобы выдержать обрушившееся на нее напряжение, не откажется ли она совсем от неблагодарной задачи убедить весь мир принять те благие дары, которые она пожелала ему преподнести, посвятив этому всю свою жизнь. К счастью, катастрофы не произошло; но ни судьба Колумба, закованного в цепи за открытие Нового Света, ни участь Галилея, возвестившего миру истинные законы астрономии и заключенного за это в тюрьму, не производят на людей, знакомых со всеми перипетиями Теософического Общества в Индии, большего впечатления, нежели положение мадам Блаватской, которую порочило и высмеивало большинство англоязычных индийских газет и которую толпа обывателей объявила шарлатанкой после того, как она в изобилии - насколько это позволяли ей правила великого оккультного сообщества - предложила им некоторые удивительные плоды той борьбы, в которой она обрела свои необыкновенные знания и которую продолжала в течение всей своей жизни.

Между тем Теософическое Общество¹, вопреки всем гонениям, остается единственной организацией, которая предоставляет жаждущим оккультного знания исследователям канал связи с великим Братством, как бы хрупок он ни был. Братство это держится в тени, но заинтересовано в успешном развитии Общества и поддерживает контакты с его основательницей.

ОККУЛЬТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ

Именно благодаря своим контактам с Теософическим Обществом и личному знакомству с мадам Блаватской, я приобрел некоторый опыт в сфере оккультизма - опыт, который и побудил меня взяться за мою нынешнюю задачу. Первая проблема, которую мне предстояло разрешить, заключалась в том, чтобы выяснить, действительно ли мадам Блаватская обладает способностью вызывать паранормальные явления, как мне доводилось слышать. Может показаться, что после того, как я познакомился с этой женщиной, для меня не могло быть ничего проще, нежели удовлетворить такое желание, если ее феномены действительно реальны. Тем не менее дальнейшие события служат прекрасной иллюстрацией тех препятствий, которые всегда окружают подобные исследования, - препятствий, в борьбе

¹ Конечно же, не сегодняшнее так называемое Российское Теософское общество, возглавляемое, кажется, Дм. Поповым. (— *Ред.*)

с которыми множество людей теряет терпение настолько, что в конце концов бесповоротно прекращает любые расспросы и всю оставшуюся жизнь проводит в полнейшем неведении истины. Несмотря на то, что после моего знакомства с мадам Блаватской, она приехала ко мне в гости и прожила полтора месяца в моем доме в Аллахабаде, за это время я смог удовлетворить свое любопытство лишь в самой незначительной степени. Конечно, в течение этих недель мадам Блаватская очень много рассказывала мне об оккультизме и о Братях; но при том, что она страстно желала дать мне самое полное представление о реальном положении дел, а сам я изо всех сил стремился докопаться до истины, трудности, возникшие перед нами, оказались почти непреодолимыми. Ведь Братья, как я уже упоминал выше, категорически настроены против саморекламы при помощи впечатляющих эффектов. Для них не имеет никакого значения, что человеком, жаждущим увидеть подобные проявления, движет не праздное любопытство, а искреннее стремление постичь истину.

Братья не хотят привлекать кандидатов на посвящение, демонстрируя им чудеса. Чудеса оказывают весьма возбуждающее влияние на умы; это подтверждает история любой религии, основатели которой были чудотворцами.

Однако оккультизм - это не такое занятие, чтобы за него можно было, ничем не рискуя, взяться в порыве энтузиазма, вызванного демонстрацией

необычных способностей. Не существует абсолютного правила, которое запрещало бы проявлять оккультные способности в присутствии посторонних, но высшие инстанции оккультизма принципиально не одобряют подобных действий, и мастера оккультизма, стоящие ниже определенного уровня, практически не в силах пойти против этого неодобрения. Когда мадам Блаватская впервые посетила мой дом, ей было дозволено открыто продемонстрировать лишь один феномен, да и то самый незначительный из всех, какие только можно вообразить. Ей позволили показать на практике, что человек может по собственной воле производить "стоноверчение", которое спиритуалисты приписывают воздействию потусторонних сил. Это было уже кое-что, и *faute de mieux* мы уделили стоноверчению много внимания.

Спиритуалистам хорошо известно, что когда группа людей, в которой имеется "медиум", сидит вокруг стола, положив на него ладони, то обычно раздаются легкие произвольные постукивания, при помощи которых присутствующие получают сообщения или ответы на свои вопросы. Множество людей во внешнем мире, не верящих в спиритизм, склонны полагать, что описанное здесь впечатление обманчиво, и вся многомиллионная армия поклонников спиритизма является жертвою заблуждения. Скептики, очевидно, столкнутся с немалыми затруднениями, если попытаются объяснить, почему это заблуждение

распространилось столь широко; однако они полагают, что лучше принять любую гипотезу, нежели допустить, будто души умерших способны подобным образом общаться с живыми людьми. Если же противники спиритизма предпочитают научный подход к проблеме, то трудно понять, почему вполне очевидному, хотя и очень тонкому материальному следствию, не предшествует материальная же причина. Подобные люди, вероятно, благосклонно воспримут объяснения, которые я намерен привести; я же стремлюсь здесь доказать, что гипотеза о массовом самообмане в среде спиритуалистов (настолько неуклюжая, что ее не может придерживаться никто, кроме оппонентов, наделенных самой смехотворной самонадеянностью) не является единственной теорией, примиряющей признание доказанных фактов спиритизма, во всяком случае, тех, которые имеются в нашем распоряжении на сегодняшний день, - с неприятием того объяснения, которое дает этим фактам гипотеза самих спиритуалистов.

Итак, вскоре я обнаружил, что постукивания всегда возникали за тем столом, за который садилась мадам Блаватская, намереваясь произвести этот эффект, причем все мыслимые подозрения в обмане были быстро отмечены после сравнения разных экспериментов, которые мы смогли осуществить. Прежде всего, у нас не было необходимости усаживать за стол других людей. Мы могли работать с любыми столами и

в любых условиях, а также обходиться вообще без стола. Для этих целей одинаково годились оконное стекло, дверь, стена - словом, абсолютно все, что издает звук при ударе. Полуоткрытая дверь, наполовину сделанная из стекла, сразу же оказалась наилучшим инструментом для наших опытов. Ведь в этом случае можно было стоять напротив мадам Блаватской и наблюдать, как она кладет одну или обе ладони на дверное стекло и держит их неподвижно (отмечу, что на пальцах ее не было ни одного кольца). При этом возникало нгромкое тиканье, напоминавшее стук кончика карандаша по стеклу или потрескивание искорок, проскакивающих между электродами электрофорной машины. Был еще один весьма удобный способ вызывать постукивания, которым мы частенько пользовались по вечерам. Нужно было поставить на коврик перед камином большой стеклянный колпак от часов и уговорить мадам Блаватскую снять все кольца и положить руки на колпак, отодвинувшись от него так, чтобы его не касалась ни одна часть ее одежды. Установив лампу напротив колпака и сидя на коврике рядом с ним, можно было видеть снизу ладони мадам Блаватской. Они неподвижно лежали на стекле; тем не менее даже при этих идеальных условиях наблюдения, на звонкой поверхности стекла возникали отчетливо слышные постукивания.

Мадам Блаватская была не в силах точно объяснить нам, как возникают эти постукивания.

Любое применение оккультных способностей связано с тем или иным секретом, и как бы бледно ни выглядели эти постукивания по сравнению с другими феноменами, они все равно относятся к разряду материальных эффектов, осуществляемых усилием воли. Способы тренировки воли для достижения мелких материальных эффектов бывают настолько схожи с методами тренировки, целью которых являются феномены более крупные, что правила окултизма не позволяют точно разъяснять суть этих методов лицам непосвященным. Но то, что постукивания подчинялись человеческой воле, можно было считать бесспорным фактом, в том числе и по следующей причине: когда мы работали с оконным стеклом или со стеклянным колпаком, я иногда просил назвать по буквам какое-нибудь имя, выбранное мною наугад. Затем я устраивал "перекличку" буквам алфавита, и каждый раз, как я называл подходящую букву, раздавалось постукивание. Я заказывал определенное число постукиваний - и моя просьба осуществлялась. Я просил произвести серию постукиваний в определенной ритмической последовательности - и они раздавались. Но и это еще не все. Иногда мадам Блаватская клала кому-нибудь на голову одну или обе ладони и вызывала постукивания, которые мог уловить внимательный слушатель и которые ощущал человек, к которому она прикасалась. Последнему казалось, что при

каждом легком ударе на него словно перескакивает искра из электрофорной машины.

На более поздней стадии своих исследований мне случилось наблюдать постукивания и при гораздо лучших условиях, когда руки мадам Блаватской вообще не прикасались к объекту ее воздействия. Это случилось в Симле не далее как летом прошлого (1880) года; однако, говоря о постукиваниях, я позволю себе немного забежать вперед. В Симле мадам Блаватская вызывала постукивания на маленьком столике, окруженная группой внимательных наблюдателей, ни один из которых к столику не прикасался. Начав постукивания, то есть вызвав их путем определенного воздействия, при котором она на несколько секунд положила руки на стол, мадам подняла руки примерно на один фут над столом и стала производить над ним гипнотические пассы, на каждый из которых столик отзывался знакомыми звуками. Мадам Блаватская проделывала это не только в нашем доме и не только с нашими столами. То же самое происходило и в домах у друзей, куда она ходила вместе с нами. Дальнейшее развитие главного эксперимента заключалось в следующем: оказалось, что одно и то же постукивание могут ощущать несколько человек одновременно. Иногда четыре-пять человек клали свои руки на стол, одну поверх другой; мадам Блаватская клала свою ладонь сверху и пропускала через все соприкасающиеся руки нечто вроде тока,

порождавшего звук. Этот ток одновременно ощущали все участники опыта; дойдя до поверхности стола, он производил постукивание.

Любой, кому доводилось участвовать в этом эксперименте, не может не ощущать всего идиотизма гипотез, которые высказывают в индийских газетах непреклонные скептики, эти здравомыслящие личности, не поддающиеся обману, которые утверждают, что мадам Блаватская якобы производит указанные звуки, стуча ногтями больших пальцев рук или щелкая каким-нибудь суставом.

Чтобы подвести итог обсуждению этого вопроса, процитирую письмо, написанное мною в то время: "Мадам Блаватская кладет ладони на стол, и на нем слышатся постукивания. Иные умники полагают, что она достигает этого, постукивая ногтями больших пальцев друг о друга. Она кладет на стол только одну руку - и постукивания продолжаются по-прежнему. Может быть, она прячет под ладонью какое-нибудь миниатюрное устройство? Мадам Блаватская полностью отрывает руку от стола и держит ее в воздухе - но постукивания все так же продолжаются. Может быть, она заранее что-то сделала со столом? Она прижимает руку ладонью к оконному стеклу, к раме картины, затем прикасается подряд к дюжине других мест в комнате - и каждый раз оттуда доносятся эти таинственные постукивания. Может быть, дом, где она обитает вместе со своими близкими друзьями, заранее подготовлен? Мадам

Блаватская посещает с полдюжины других домов Симлы и вызывает постукивания в каждом из них. Может быть, постукивания идут не из того места, откуда кажется, а совсем из другого? Может, это просто чревовещание? Мадам Блаватская кладет ладони вам на голову - и вы ощущаете нечто, напоминающее серию слабых электрических разрядов, а если рядом с вами будет сидеть внимательный слушатель, он заметит, что они производят легкие постукивания по вашему черепу. Может быть, вы лжете, когда утверждаете, что чувствуете удары тока? Полдюжины человек складывают свои руки на столе одну поверх другой, мадам Блаватская кладет ладонь на самый верх. При этом каждый участник опыта ощущает, как через его руку проходит легкая пульсирующая энергия, и слышит на столе слабые постукивания, в которые она преобразуется. Если человек наблюдал за этими опытами множество раз, подобно мне, вы можете себе представить, какое впечатление на него произведет фраза вроде следующей: "Все эти постукивания - просто фокусы, и не более того. Разве Маскелин и Кук не сделают то же самое всего за десять фунтов за вечер?" Но в тех условиях, которые я описываю, Маскелин и Кук не смогут сделать этого ни за десять фунтов за вечер, ни за миллион индийских рупий".

Я впервые услышал эти постукивания во время первого визита мадам Блаватской в Аллахабад, и это сразу же полностью убедило меня в том, что

она обладает определенными паранормальными способностями. Эта уверенность стала единственной причиной, по которой я с доверием отнесся еще к паре феноменов, правда, иного рода, которые имели место в это же время.

Условия, при которых они происходили, были небызупречны, так что упоминать об этих явлениях здесь не стоит. Однако было обидно, что нам не удастся даже приблизиться к полной уверенности относительно тех вопросов, которые нас действительно интересовали, а именно: существуют ли люди, действительно наделенные чудесными способностями, которые приписывают адептам, и может ли обычный человек этим путем обрести точное знание о том, каковы свойства его собственной духовной природы. Следует помнить, что мадам Блаватская не проповедовала на этот счет никакого особого учения. Все, что она сообщала нам об адептах и о своем собственном посвящении, мы вытянули из нее в ходе настойчивых расспросов. Теософия, которой она стремилась заинтересовать всех своих друзей, не выдвигает никакого определенного мнения на эту тему, просто предлагая теорию, согласно которой человечество следует рассматривать как Всеобщее Братство, каждый из членов коего должен исследовать духовные истины, при этом не сковывая себя предубеждениями какой-либо определенной религиозной догмы. Хотя позиция мадам Блаватской по всем этим вопросам

освобождала ее от морального обязательства доказывать истинность оккультизма, в личных беседах и в своей книге "Разоблаченная Изида" она раскрывала такой взгляд на вещи, который естественным образом вызывает у людей тягу к дальнейшим исследованиям. Мы испытывали танталовы муки, ощущая, что эта женщина одновременно и может и не может представить нам окончательные доказательства, которых мы так сильно жаждали, - доказательства того, что оккультная подготовка наделила ее реальной способностью воздействовать на материальные объекты, причем способностью такого рода, что если бы у нас могла быть уверенность в том, что мадам Блаватская обладает ею на самом деле, то это полностью разрушило бы главные основы материалистической философии.

Но в одном вопросе мы все же обрели полную уверенность, а именно - в честности этой женщины. Неприятно даже думать о том, что это ее качество вообще могло быть поставлено под сомнение. Однако в Индии люди, занявшие враждебную позицию по отношению к ее взглядам, высказывали подобные сомнения с такою жестокостью и безрассудством, что было бы просто притворством обойти молчанием этот вопрос. С другой стороны, если бы я стал поминутно доказывать честность мадам Блаватской, в которой постепенно убедился благодаря близкому знакомству с нею, это было бы слишком большой уступкой низменным нападкам недоброжелателей. Она неоднократно

бывала у нас в гостях, приблизительно за два года прожив в моем доме в общей сложности более трех месяцев. Для непредвзятого ума очевидно, что при указанных обстоятельствах я наверняка мог составить о ее подлинных душевных качествах более верное мнение, нежели то, которое вывели из своих поверхностных наблюдений лица, видевшие мадам Блаватскую не более одного-двух раз в жизни.

(продолжение предполагается)

ЧЕТВЁРТАЯ БЕСЕДА ОПЫТНОГО С НАЧИНАЮЩИМ

— Давненько мы с тобой не виделись, — кажется, с номера седьмого твоего журнальчика. Ничего, вижу, что он идёт: как я тебе и предсказывал. Говоришь, двое независимых ясновидцев и в разное время тебе сказали, что Космос ценит его высоко? Сейчас посмотрю. Ага; подтверждаю. Понятно, что проблемы тоже есть. Так они и у богов есть.

Ну, что? Ждешь от меня очередной поучительной истории для журнальчика? Так уж и быть, расскажу. Она недавняя, произошла с моим приятелем. Чтобы твоим читателям было понятно, ему 60 лет (хотя на вид не больше 52-х), живёт в Москве, тоже эзотерик, со стажем уже в 20 лет. И я бы сказал, что он из настоящих эзотериков: ведь в наше время каждый недоумок с какими-то там видимыми для всех способностями может гордо именовать себя эзотериком... Как будто если может продемонстрировать видимые способности — значит, эзотерик. Чушь это. Правильно Иисус не велел чудеса показывать.

Так вот на Земле у моего приятеля сейчас последнее воплощение. Он это знает, и этим и

объясняется общая структура его жизни: надо тут всё заканчивать и не заводить новых привязок к Земле — семью, детей, друзей, женщин, вещи, деньги, положение в обществе и прочее. Так у него было всегда, так и сейчас.

Однако он хоть и эзотерик, но не ясновидец и не яснослышец, как мы с тобой. Но имеет мощную связь с верхом на уровне интуиции. И правильно заметил один ваш известный целитель — Разыграев, — что трудно провести грань между ясновидением и интуицией.

Так вот история. Несколько месяцев назад заказал он себе у Верха знакомство с женщиной, более или менее понимающей в его интересах — в эзотерике: ведь вся его жизнь этому подчинена, хотя не понимающему это не видно. А с другими женщинами ему неинтересно — не находится общего языка. Так как духовное развитие у него неплохое (то есть нижние чакры, и в частности чакра процветания, которую часто и неправильно называют половой, задействованы минимально необходимым образом — только для нормофункционирования организма), — да и просто возраст уже не молодой, — то на момент заказа Наверх секс его практически не интересовал: главное было общение духовное, а на видимом физическом плане — просто обычная совместная жизнь или частые встречи. Кстати, мало что понимают те, кто, считая себя духовными, отделяют эзотерику (настоящую) от духовности как они ее

понимают. А квартира у него отдельная, так что женщина могла бы к нему приезжать, если нужно, или жить периодами, сколько их обоих устроит. "В койку"-то он найти бы мог, и были желающие представительницы, но не это ему было нужно.

Так что он заказал, хотя и знал, что заказ могут и не выполнить. Знал и то, что даже если и выполнят, то ещё неизвестно, как они оба себя поведут. Как однажды ему сказали Сверху по аналогичному поводу: "Мы создали условия, а уж вы там сами справляйтесь".

Но, как и раньше, заказ его выполнили: дали очень подходящую ему женщину, тоже уже не молодую. Правда, у нее были большие проблемы со здоровьем и прежде всего с сердцем, из-за глубоко неправильного миропонимания. И из-за сердца были проблемы с мобильностью: не могла ездить в лифтах, долго находиться в метро и т.п. И вот они подружились, вместе гуляли, беседовали, он стал выправлять ее миропонимание, она была на это согласна, понимала, что он с ней делает, отчасти даже понимала, что это работа высокого уровня, — и это через месяц выразилось в улучшении её физического здоровья: стало меньше беспокоить сердце, и др. Тут надо сказать, что никто из ее знакомых — известнейших целителей — помочь ей не мог, и в частности потому, что они брали за лечение деньги, а она была более чем небогата. Видимо,

она и не просила, а сами они не предлагали. Друзья называется... Товарищ же мой всё ей делал бесплатно, ясное дело.

Но это было только начало: дальше было нужно, чтобы она как можно дольше находилась в его целебной ауре, то есть на расстоянии хотя бы в несколько метров. Да, я забыл сказать чуть ли не главное: что эта женщина (назовём её Вика) тоже сексом не интересовалась, а в первую очередь ценила духовное общение: с сексом у нее был связан печальный любовный опыт, и она ничего не хотела в этом плане возобновлять. Это, конечно, тоже неправильно, но для моего приятеля легко исправимо. Однако в первую очередь нужно было исправить ей сердце. (А то, между нами, мужиками, говоря, ещё в койке и загнётся...)

Так что идеальный вариант был бы такой: поскольку она жила в часе езды на электричке от Москвы, а работа у нее была в Москве, а в электричке ездить дорого, да и для сердца плохо, то она бы могла сколько и когда хочет ночевать у него в Москве; как раз по ночам бы, без всякого секса (кто это поймёт, и кто поверит?!) и соприкасались бы максимально своими эфирными и прочими аурами для улучшения ее здоровья, по принципу: "солдат спит, а служба идёт". То есть успешно начатое лечение продолжалось бы и закреплялось. И вскоре не было бы проблем с лифтами, метро, электричками, ночным сильнейшим сердцебиением и прочим.

И так же, как и мой приятель, эта Вика тоже была на последнем рождении, и верила в это; но у неё оно же и первое здесь на Земле. Как они выяснили, ее сюда отправили как бы в штрафбат, за прегрешения в бывшем ее мире — улучшить здесь своё миропонимание. И хотя на внешнем уровне она представляла собой абсолютно интеллигентного человека, но на уровнях более глубоких у нее были серьёзные проблемы с этим миропониманием. Но это и ясно, например, в свете всё тех же исследований С.Н.Лазарева: раз у человека серьёзные проблемы на физике — значит, серьезные проблемы в душе. Так у нее и было, и после первых успехов на физике в ее лечении приятель мой столкнулся с необходимостью того, чтобы, как я сказал, она как можно больше времени проводила вблизи него. Только так можно было бы повлиять на ее глубинное миропонимание и, соответственно, продолжить лечение.

Так что вариант дали, как видишь, идеальный: оба немолодые, оба интеллигентные, оба холосты, без детей, обоим практически не нужен секс (ей во многом из-за сердца), оба симпатизируют друг другу и интересуются прежде всего духовным общением; экономически независимы; он физически и умственно здоров, квартира отдельная, ей удобно от него ездить на работу в Москву — спрашивается, чего бы ей ещё нужно?

Лечись — не хочу. Да в наше время и порядочного человека найти трудно — а ей, инопланетянке, тем более, — который бы ценил ее и понимал, уж не говорю — лечил. И через некоторое время он ей всё это обрисовал и предложил побольше находиться у него. И вот тут-то и начинается твоя эзотерика: эта его Вика, не разово, но постепенно и мягко — отказалась от его предложения... Воистину, человек предполагает, а Господь располагает. И мало ли чего планируем мы: важно, чего хотят и планируют ведущие нас эгрегоры, через наше подсознание.

Так что физически-то он ее подлечил, но стал замечать то, что в своё время подметил и Лазарев: что уйдя с плана физического, болезнь может перейти на план умственный, то есть что она обычно не столько вылечивается, сколько перебрасывается. И мой приятель был и есть согласен с Лазаревым, что ни один целитель на самом деле не лечит, а только помогает человеку вылезти из болезни самому. Вот и он заметил — и вовремя! — что его помощь этой Вике может начать ей вредить (хотя она-то рада улучшению здоровья), — то есть что глубинно Вика эта не меняется. И он заметил по ее обычному поведению и словам, что она, повидимому, и не хочет глубинно меняться, — то есть начинает работать то, за что ее направили сюда на Землю: она ТАМ себя так вела, и ЗДЕСЬ продолжает то же самое, и не хочет признать, что надо меняться: своё

паршивое ей дорожке долженствующего. Как у Шолохова говорил Кондрат Майданников: "Хоть сопливое, но моё". И опять-таки, приятель заметил, что и практика Лазарева, и его личная предыдущая практика, и в данном случае практика с этой Викой — подтверждают подмеченный Лазаревым факт: что человеку легче болеть и умирать, чем отказаться от своих глубинных убеждений.

Но тут надо быть осторожным. Выше я сказал о желании и планах эгрегоров; так что, может быть, ведущий эту Вику эгрегор не хотел, чтобы она изменялась и/или — на физическом плане — жила у моего друга и этим вылечивалась. Может быть, эгрегор(ы) планировал(и) для неё что-то другое. Можно было бы и это посмотреть, но ведь и у эгрегоров планы меняются: сегодня одно, через месяц другое, а нам-то нужно действовать сегодня и завтра: у нас Время "короче", чем у них. Как говорится, не судите да не судимы будете. И вот когда мой приятель начал замечать первые, ещё очень отдалённые, признаки её могущего наступить психического неблагополучия, то стали давать ему и знаки — вот слушай, какие (любимая твоя эзотерика).

У него была военная рубашка, с зелёными стандартными военными пуговицами. Так как цвет ее ему не нравился, а рубашку эту носить он любил, то в период благополучного хода событий с этой Викторой он эту рубашку

перекрасил в идущий ему черный цвет, и соответственно перекрасились и пуговицы: стали из зеленых черными. Дальше он эту рубашку повесил в шкаф (летом носить чёрное ни к чему) и не трогал — а это важно.

И вот видит однажды утром на кухне: на полу лежит половина **ЗЕЛеной** пуговицы от этой бывшей зелёной рубашки. Он особенно над этим не задумался, так как, возможно, это обнаружилась пуговица, оторвавшаяся ранее, до перекраски. Хотя почему она лежала на середине пола на самом виду, да еще утром (а он ежедневно подметает), и вчера весь день на полу ничего не было... Но — ладно, мало ли что. Эту полпуговицу он выбросил. Однако и на следующее утро опять на середине пола такая же "полпуговица". И он опять ее выбросил, сочтя, что это вторая половинка вчерашней полпуговицы. Но на третий день, опять же утром — снова, уже третьи полпуговицы, там же и такие же. Тут он, конечно, призадумался, но голову ломать не стал и забыл. А через пару недель и выяснилось, что это были — я повторяю — знаки: для них с этой Викой намечено было расставание. Уж кто там эти знаки давал, дело десятое. Но шли они в разгар благополучного их с Викторией периода, когда расставаться он не планировал, — скорее, наоборот.

И действительно, через пару недель эта его Вика стала выдавать некие реакции, явно

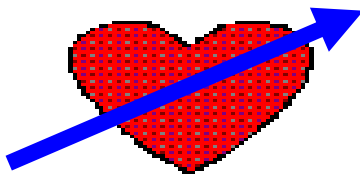

свидетельствующие о потенциально возможном перебросе ее болезней на психику. Так что пришлось моему приятелю, как он заключил, резко начать выполнять чью-то высшую волю — повидимому, Викиного ведущего эгрегора, — и, резко же, прервать с ней отношения: перестал ей звонить и выбросил заботу о ней из головы, то есть перестал дистанционно и круглосуточно ее лечить, а то как бы не было хуже. На физическом-то плане это в ее глазах могло выглядеть грубо: взял и вдруг перестал звонить. Однако интересно, что и она тоже перестала звонить ему, хотя раньше созванивались достаточно часто. Видимо, оба поступили правильно... Конечно, он мог бы ей всё это начать объяснять, но, не будучи эзотериком и не имея в этом никакого опыта, поверила ли бы она? Тем более что стали появляться эти неадекватные реакции. Только ещё хуже могло бы быть: дескать, кто объясняет, тот оправдывается, а раз оправдывается — значит, виноват... У женщин эта псевдосвязка запросто получается. И с тех пор прошёл месяц, но ситуация пока не изменилась. Никаких контактов, как и не знали друг друга. Впрочем, приятель нечто в этом роде предвидел: лично ему (а может, и ей тоже) не надо бы друг к другу привязываться: последнее же воплощение у обоих. Поэтому, возможно, и ее прошлый любовный опыт был печален. И может быть, для неё на Земле предусмотрено отрабатывать грехи

собственными силами. Предположения эти проверить трудно, если вообще возможно (требуется высочайшая эзотерическая квалификация), но ухудшение психического ее здоровья было, бесспорно, вероятно. А так — она физикой лечила психику. Вот и пришлось моему другу срочно сматывать удочки, руководствуясь просто накопленным опытом и во имя ее здоровья.

"Не лечите, да не лечимы будете" — как с юмором подсказывает мне кто-то сейчас...

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

ЧИТТА СМРИТИ УПАСТХАНА (Санскр.) Одна из четырех целей Смрити Упастхана, т.е. постоянное удерживание в памяти преходящего характера человеческой жизни, и непрекращающегося вращения колеса существования.

ТЕБА (Евр.) Природа; которая мистически и эзотерически есть то же, что ее олицетворенный Элохим, ибо числовое значение обоих слов - Теба и Элохим (или Алейм) - одинаково, а именно 86.

ТЕФНАНТ (Егип.) Одно из трех божеств, обитающих в "земле возрождения богов" и добрых людей, т.е. Амру (Дэвачане). Эти три божества суть Шео, Тефнант и Себ.

ТЕЛУГУ Один из дравидских языков, на котором говорят в Южной Индии.

ТЕМУРА (Евр.) Букв., "Изменение". Название одного раздела практической Каббалы, касающегося аналогий между словами, взаимоотношение которых указывается определенными изменениями в расстановке букв или заменой одной буквы на другую.

ДЕСЯТЬ ПИФАГОРЕЙСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ Добродетели Посвящения и т.д., обязательные перед принятием. (См. "Пифагор".) Они тождественны добродетелям, предписанным Ману, и буддийским Парамитам Совершенства.

ТЕРАФИМЫ (Евр.) То же, что Серафимы или Боги Кабейри; образы змей. Первые Терафимы, согласно легенде, были получены Дарданом в качестве приданого, и увезены им в Самофракию и Трою. Идолы-оракулы древних евреев. Ревекка похитила их у своего отца Лавана.

ТЕРАТОЛОГИЯ Греческое название, введенное Жеффруа Сент Илером для обозначения пред-родового образования уродов, как человеческих, так и животных.

ТЕТРАГРАММАТОН Название Бога, составленное из четырех букв, его греческий титул; на еврейском языке эти четыре буквы суть "иод, хе, вау, хе", или, английскими заглавными, IHVH. Настоящее древнее произношение теперь неизвестно; истинный еврей считал это имя слишком священным, чтобы произносить его, и при чтении

священных писаний он заменял его именем "Адонай", означающий Господь. В Каббале I ассоциируется с Хокма, H с Бина, V с Тиферет и второе H с Малкут. Христиане обычно называют IHVN Иеговой, и многие современные ученые-библеисты пишут это как Яхве. В "Тайной Доктрине" название Иегова относится только к Сефире Бине, но такое отнесение не признается ни Розенкрейцерской школой каббалистов, ни Матерсом в его переводе "Kabbalah Denudata" Кнорра фон Розенрота: некоторые авторитеты по Каббале действительно отнесли лишь Бину к IHVN, но только в отношении Иеговы экзотерического Иудаизма. IHVN Каббалы имеет лишь бледное сходство с Богом Ветхого Завета. (у.у.у.)

"Каббала" Кнорра фон Розенрота не является авторитетом для Восточных каббалистов, так как известно, что при создании своей "Kabbalah Denudata" он придерживался скорее современных, чем древних (халдейских) манускриптов; также известно, что те манускрипты и писания "Зохара", которые классифицируются как "древние", упоминают, а некоторые даже применяют, еврейские главные или мазоретские точки. Одно это делает эти так называемые Зохарские книги неподлинными, так как нет прямых следов схемы Мазоры ранее десятого столетия нашей эры, так же как какого-либо отдаленного следа ранее седьмого столетия. (См. "Тетрактис".)

ТЕТРАКТИС (Греч.) или Тетрада. Священное "Четыре", которым клялись Пифагорейцы, и это было их самой обязывающей клятвой. Оно имеет очень мистические и различные значения, будучи тем же, что Тетраграмматон. Прежде всего, это Единство, или "Одно" под четырьмя различными аспектами; затем это есть основное число Четыре, Тетрада, содержащая Декаду или Десять - число совершенства; наконец, оно означает первичную Триаду (или Треугольник), погруженную в божественную Монаду. Кирхер, ученый каббалист-иезуит, в своей "OEdipus Aegypticus" (II, с. 267) приводит Неизреченное Имя IHVN - одну из каббалистических формул из 72 названий - расставленное в виде пифагорейской Тетрады. М-р И.Мейер приводит это в таком виде:

! ! !

Неизреченное имя так

Он также доказывает, что "священная Тетрада пифагорейцев, по-видимому, была известна древним китайцам". Как пояснено в "Раз. Изиде" (I, XVI): Мистическая Декада, результат Тетрактиса, или $1 + 2 + 3 + 4 = 10$, является одним из способов выражения этой идеи. Один - это бесконечный принцип "Бог"; Два - материя; Три, соединяя Монаду с Дуадой и участвуя в сущности обеих, -

феноменальный мир; Тетрада, или сумма всего, включает в себя весь Космос.

ТХАЛЛАСА (Греч.) Море. (См. "Тхаллатх".)

ФАЛЕС (Греч.) Греческий философ из Милета (около 600 г. до Р.Х.), учивший, что вся вселенная была сотворена из воды, тогда как Гераклит из Эфеса утверждал, что она была сотворена огнем, а Анаксимен - что воздухом. Фалес, настоящее имя которого неизвестно, взял имя от Тхаллатх, в соответствии с философией, которой он учил.

ТХАЛЛАТХ (Халд.) То же, что Тхалласа. Богиня, олицетворяющая море, идентичная с Тиамат и связанная с Тамти и Белитой. Богиня, которая родила все виды первобытных чудовищ в космогонии, изложенной Берозом.

ТХАРАНА (Санскр.) "Месмеризм" или, вернее, само-вызванный транс или самогипноз; действие, применяемое в Индии, которое обладает магическим характером и является чем-то вроде изгнания бесов. Букв., "удалить, смести" (злые воздействия, - тхархн означает метла, а тхарнхан - тряпка для пыли); изгнание злых бхутов (злая аура и злые духи) с помощью благотворной воли гипнотизера.

ТАВМАТУРГИЯ "Чудотворство"; способность творить чудеса с помощью богов. От греческих слов thauma, "чудо", и theurgia, "божественная работа".

ТЕАНТРОПИЗМ Быть богом и человеком одновременно; божественный Аватар (см.).

ТЕЙОХЕЛ (Евр.) Рождающий человека обитаемый мир, наша земля в "Зоха́ре".

ТХЕЛИ (Халд.) Большой Дракон, который, как утверждается, символически обнимает вселенную. Еврейскими буквами это TLI = 400 + 30 + 10 = 440; когда "его холка (первая буква) обуздана", говорят раввины, - остается 40, или эквивалент Мем; М = Вода, воды над твердью. Очевидно, та же мысль, которую символизирует Шеша - Змий Вишну.

ТЕОКРАЗИЯ Букв., "смещение богов". Поклонение различным богам, как, например, Иегове и богам неевреев в случае идолопоклонников евреев.

ТЕОДИЦИЯ "Божественное право", т.е. привилегия всемилостивого и справедливого Бога поражать невинных и сокрушать тех, кому это предопределено, и все же оставаться любящим и справедливым Божеством; в богословии - тайна.

ТЕОДИДАКТ (Греч.) Букв., "Богом наученный". Так называли Аммония Саккаса, основателя неоплатонической Эклектической Школы филаletesян в четвертом веке в Александрии.

ТЕОГОНИЯ Происхождение богов; тот раздел всех нехристианских теологий, который учит генеалогии различных божеств. Древнегреческое название того, что после было переведено как "родословная происхождения Адама и Патриархов" - последние все суть "боги, планеты и знаки Зодиака".

ТЕОМАХИЯ Сражение с богами или против них, как например, "Война Титанов", "Война в Небесах", и Сражение Архангелов (богов) против своих братьев, полчищ Сатаны (бывших богов, Асуров и т.д.)

ТЕОМАНТИЯ Прорицание с помощью оракулов, от theos, бог, и manteia, пророчествование.

ТЕОПАТИЯ Страдания во имя своего бога. Религиозный фанатизм.

ТЕОФИЛАНТРОПИЗМ (Греч.) Любовь к Богу и человеку или, вернее, в философском смысле, любовь к Богу через любовь к Человечеству. Некие личности, которые во время первой революции во Франции стремились заменить Христианство чистой филантропией и здравым рассудком, называли себя теофилантропами.

ТЕОФИЛОСОФИЯ Теизм и философия вместе.

ТЕОПНЕИСТИЯ Откровение; нечто данное или вдохновленное богом или божественным существом. Божественное наитие.

ТЕОПЕЯ (Греч.) Магическое искусство наделения фигур, статуй и других неодушевленных предметов жизнью, речью и движением.

ТЕОСОФИЯ (Греч.) Религия Мудрости или "Божественная Мудрость". Сущность и основа всех мировых религий и философий, преподаваемая и практикуемая немногими избранными с тех пор, как человек стал мыслящим существом. В практическом применении Теософия есть чисто божественная этика; определения, данные ей в словарях, просто бессмыслица, вздор, основанный на религиозном суеверии и невежестве в отношении истинного духа ранних розенкрейцеров и средневековых философов, называвших себя теософами.

ТЕОСОФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО или "Всемирное Братство". Основано в 1875

г. в Нью-Йорке полковником Х.С.Олькоттом и Е.П.Блаватской при содействии У.К.Джаджа и некоторых других. Первоначально оно провозгласило своей целью научное исследование психических или так называемых "духовных" феноменов, после чего были объявлены три его главные задачи, а именно: 1) Братство человечества без различия рас, цвета кожи, религии или социального положения; 2) основательное изучение древних мировых религий для сравнения и извлечения оттуда универсальной этики; 3) изучение и развитие скрытых божественных сил в человеке. В данный момент (1890 г.) оно имеет более 250 Филиалов, разбросанных по всему земному шару, большинство из которых находится в Индии, где расположена также его штаб-квартира. Оно состоит из нескольких больших Секций - Индийской, Американской, Австралийской и Европейской.

ТЕОСОФЫ Этим именем себя называли многие мистики различных периодов истории. Неоплатоники Александрии были теософами; алхимики и каббалисты средневековья назывались так же; это относится и к мартинистам, квиетистам и другим видам мистиков, либо действующих независимо, либо объединенных в братство или общество. Все истинные приверженцы божественной Мудрости и Истины имели и имеют больше права на это имя, чем те, которые, присвоив себе это название, живут и действуют вопреки принципам Теософии. Как обрисовано Братом Кеннетом Р.Маккензи, теософы прошлых столетий - "чистые теоретики, не основывавшие школ, все же оказали безмолвное влияние на философию; и, без сомнения, когда наступит время, многие идеи, предложенные, таким образом, бессловесно, могут дать новые направления человеческой мысли. Один из путей, по которым эти доктрины достигали не только авторитета, но и силы, был через определенных ревнителей в высших степенях Масонства. Все же эта сила в значительной степени угасла вместе с его основателями, и современное франкмасонство содержит мало следов теософического влияния. Какими бы точными и прекрасными ни были некоторые мысли Сведенборга, Пернетти,

Пасквали, Сен Мартена, Маркони, Рагона и Шастанье, они оказывают лишь слабое непосредственное воздействие на общество." Это верно в отношении теософов предыдущих трех столетий, но не современных. Ибо теософы нынешнего столетия уже оставили зримый отпечаток на современной литературе, и возбудили среди наиболее интеллигентных слоев человечества желание и рвение к какой-либо философии вместо слепой догматической веры прошлого. Такова разница между прошлой и современной Теософией.

ТЕРАПЕВТЫ (Греч.) или Therapeutes. Школа эзотериков, которая являлась внутренней группой в Александрийском Иудаизме, а не "сектой", как принято считать. Они были "целителями" в том же смысле, как некоторые "христианские" и "ментальные" ученые, члены Т.О., являются целителями, в то же время будучи хорошими теософами и изучающими эзотерические науки. Филон Иудей называет их "слугами бога". Как справедливо сказано в "A Dictionary of... Literature, Sects, and Doctrines" (т. IV, ст. "Филон Иудей") в отношении терапевтов - "Нет основания считать их отдельной "сектой", но скорее эзотерическим кружком иллюминатов, "мудрых людей"... Они были Эллинскими евреями-созерцателями."

ТЕРМУТИС (Егип.) Корона из змей богини Изиды; также имя легендарной дочери Фараона, которой приписывается спасение Моисея из вод Нила.

ТХЕРО (Пали.) Жрец Будды. Также Тхеруннансе.

ТЕУРГИЯ или Theurgy (Греч.) Общение с планетарными духами и ангелами - "богами Света", и средство привлечения их на землю. Лишь знание внутреннего смысла их иерархий, и чистота жизни могут привести к приобретению сил, необходимых для общения с ними. Чтобы достичь этой возвышенной цели, стремящийся должен быть абсолютно достойным и бескорыстным.

ТЕУРГ Первая школа практической теургии (от _____, бог, и _____, работа) в христианский период, была основана Ямблихом среди Александрийских платоников. Однако жрецы, служители храмов Египта, Ассирии, Вавилона и Греции, обязанностью которых было вызывание богов во время празднования Мистерий, были известны под этим именем, или его эквивалентами на других языках, уже с древнейших архаических времен. Духи (но не духи умерших, вызывание которых называлось Некромантией) делались видимыми глазу смертного. Таким образом, теург должен был быть иерофантом и знатоком эзотерического знания Святилищ всех великих стран. Неоплатоников школы Ямблиха называли теургами, ибо они совершали

так называемую "церемониальную магию", и вызывали simulacra, или образы древних героев, "богов" и даймонов (_____, божественных, духовных существ). В тех редких случаях, когда требовалось появление осязаемых и видимых духов, теургу приходилось снабжать таинственных призраков частью своего собственного тела и крови, - ему приходилось совершать теопею или "сотворение богов", посредством таинственного процесса, хорошо известного древним и, наверное, некоторым из современных тантриков и посвященных браминов Индии. Это то, о чем говорится в "Книге Вызываний", хранимой в пагодах. Она являет совершенную идентичность обрядов и ритуалов старейшей браминской теургии Александрийских платоников.

Следующее взято из "Разоблаченной Изиды": "Брамин Грихаста (вызыватель) должен пребывать в состоянии совершенной чистоты, прежде чем отважится вызывать Питров. После того, как он приготовил лампу, немного сандаловых благовоний, и т.д., и начертил магические круги, преподанные ему высшим Гуру, чтобы не допустить плохих духов, он перестает дышать и призывает огонь (Кундалини) помочь ему рассеять свое тело." Установленное количество раз он произносит священное слово, и "его душа (астральное тело) уходит из своей темницы, тело его исчезает, и душа (образ) вызванного духа спускается в парное тело и одушевляет его". Затем "его (теурга) душа (астрал) снова входит в свое тело, чьи тонкие частицы снова собираются вместе (для объективного чувства), после того как они создали из себя воздушное тело для дэвы (бога или духа), которого он вызвал"... И затем вызыватель задает последнему вопросы "по тайнам Бытия и преобразованию нетленного". По преобладающему популярному мнению теурги, также как и маги, совершали чудеса - такие как вызывание душ или теней героев и богов, и другие тавматургические деяния - посредством сверхъестественных сил. Но ничего подобного никогда не было. Они совершали это просто освобождая свое астральное тело, которое, принимая форму бога или героя, служило посредником или проводником, через который мог быть достигнут и проявлен тот особый ток, который сохранял мысли и знания этого героя или бога. (См. "Ямблих".)

ТРИДЦАТЬ ДВА ПУТИ МУДРОСТИ (Кабб.) В "Зохаре" говорится, что Хокма (мудрость) порождает все вещи "посредством (этих) тридцати двух путей". ("Зохар", III, 290а.) Их полное описание можно найти в "Сефер Иецире", где буквы и цифры как бы объективно представляют собой Тридцать Два Пути Мудрости, при помощи которых Элохимы построили всю Вселенную. Ибо, как говорится в другом месте, разум "выходит из Зейр Анпина, и поэтому распространяется и расходится по тридцати двум путям". Зейр Анпин, "Короткий Лик" или "Меньшее Лицо", есть Небесный Адам, Адам Кадмон или Человек. Человек в "Зохаре" рассматривается как двадцать две буквы еврейского алфавита, к которым добавляется декада, - отсюда и тридцать два символа его способностей или путей.

ТОХУ БОХУ (Евр.) От Тоху - "Глубь" и Боху, "предвечное Пространство" - или Глубь Предвечного Пространства, вольно переведенное как "Хаос", "Смятение" и т.д.

ТОМЕЯ (Егип.) Богиня Справедливости, с завязанными глазами и крестом в руке. То же, что Греческая Фемида.

ТОР (Сканд.) От Тонар - "гремять". Сын Одина и Фрейи, и владыка всех Стихийных Духов. Бог грома, Юпитер Тонанс. Четверг (Thursday) назван так в честь Тора. У римлян четверг был днем Юпитера, Jovis dies, Jeudi по-французски - пятый день недели, также посвящен планете Юпитер.

ТОРА (Евр.) "Закон", записанный с перестановки букв еврейского алфавита. О "сокровенной Торе" говорится, что перед тем, как Ат-ти-ка ("Старец Старцев"), готовясь проявить Себя, облекся в части (или члены), Он пожелал сотворить Тору; последняя, сразу после сотворения, обратилась к Нему со следующими словами: "Желающий упорядочить и учредить другие вещи, должен прежде всего упорядочить Сам Себя в Своих надлежащих Формах". Другими словами, Тора, Закон, с самого момента своего рождения, бранит своего Создателя, согласно вышеприведенному отрывку, который является вставкой какого-то более позднего талмудиста. Увеличиваясь и развиваясь, мистический Закон раннего каббалиста был преобразен и приспособлен раввинами для замены его мертвой буквой любой метафизической концепции; и, таким образом, раввинский и талмудский Закон подчиняет себе Эйн-Софа и любой божественный Принцип, не обращая внимания на истинные, эзотерические толкования.

МОЛОТ ТОРА Оружие, которое имело форму Свастики; европейские мистики и масоны называли это "Герметическим Крестом", также "Крестом Джайна", croix cramponnee; самый архаический, также как и самый священный и всемирно почитаемый символ. (См. "Свастика".)

ТОТ (Егип.) Наиболее таинственный и наименее понятый из богов, личный характер которого полностью отличается от всех других древних божеств. Тогда как метаморфозы Озириса, Изиды, Гора и остальных настолько многочисленны, что их индивидуальность при этом почти теряется, Тот остается неизменным от первой до последней Династии. Он бог мудрости и власти над всеми другими богами. Он летописец и судья. Его голова ибиса, перо и табличка небесного писца, записывающего мысли, слова и деяния людей и взвешивающего их на чаше весов, приближают его к образу эзотерических Липиков. Его имя одним из первых появляется на

древних памятниках. Он лунный бог первых династий, учитель Киноцефала - обезьяны с головой собаки, который в Египте служил живым символом и воспоминанием о Третьей Коренной Расе ("Тайная Доктрина", II, с. 230, 231). Он "Владыка Гермополя" - сочетание Януса, Гермеса и Меркурия. Он увенчан атефом и лунным диском, и в руке держит "Око Гора", третий глаз. Он греческий Гермес, бог учености, и Гермес Трисмегист, "Трижды великий Гермес", покровитель физических наук и покровитель и даже сама душа оккультного эзотерического знания. Как прекрасно описал его м-р Дж.Бонвик, F.R.G.S.: "Тот... обладает мощным воздействием на воображение... в этой запутанной, и все же прекрасной фантазмагии мысли и нравственного чувства этого туманного прошлого. Бесплезно спрашивать себя, каким образом человек в колыбели этого мира человечества, при той грубости еще только - как предполагают - нарождающейся цивилизации, был способен мечтать о таком небесном создании, как Тот. Черты столь тонко обрисованы, сплетены между собой с такой любовью и вкусом, что, кажется, перед нами картина, задуманная гением Мильтона и исполненная со всем мастерством Рафаэля." Воистину, была некоторая доля правды в этом старом выражении, "Мудрость египтян". ... "Когда доказано, что жена Хефрена, строителя второй Пирамиды, была жрицей Тота, то становится ясным, что идеи, заключенные в нем, утвердились 6000 лет тому назад." Согласно Платону, "Тот-Гермес был открывателем и изобретателем чисел, астрономии, геометрии и букв". Прокл, ученик Плотина, говоря об этом таинственном божестве, заявляет: "Он властвует над каждым видом состояния, направляя нас из этой смертной обители к разумной сущности, руководя разнообразными стадами душ". Другими словами, Тот, как Регистратор и Летописец Озириса в Аменти, Зале Суда Умерших, был психопомпическим божеством, а Ямблих указывает, что "крест с рукояткой (тау), который Тот держит в руке, был ничем иным как монограммой его имени". Кроме Тау, как прототип Меркурия, Тот носит жезл змия, символ Мудрости, жезл, который стал Кадуцеем. М-р Бонвик говорит: "Гермес был самым змием в мистическом смысле. Он скользит подобно ему, бесшумно, без видимого напряжения, по течению столетий. Он... представитель звездного неба. Но он и враг злого змия, ибо ибис истреблял змей в Египте."

ТХОТХОРИ НЬЯН ЦАН (Тибет.) Царь Тибета в четвертом веке. Рассказывают, что во время его владычества его посетили пять таинственных незнакомцев, которые открыли ему, каким образом он мог бы использовать для благоденствия своей страны четыре драгоценности, упавшие с неба в золотой шкатулке в 331 г. н.э., и "которыми никто не знал, как пользоваться". Это были: 1) руки, сложенные так, как их скрещивают буддийские аскеты; 2) украшенный драгоценностями Чортен (ступа, воздвигаемая над хранилищем реликвий); 3) драгоценный камень с надписью "Аум мани падме хум"; и 4) Заматог, религиозный труд по этике, одна из частей Канджура.

Голос с неба тогда возвестил царю, что через определенное число поколений все узнают, сколь драгоценными были эти четыре вещи. Провозглашенное число поколений привело мир к седьмому столетию, когда Буддизм стал официальной религией Тибета. Отдавая должное мифическим вольностям, в четырех вещах, упавших с неба, голосе, и пяти таинственных незнакомцах можно легко усмотреть исторические факты. Это без сомнения, были пять Архатов или Бхикшу из Индии, отправившихся провозглашать новую веру. Многие индийские мудрецы, преследуемые в Индии за эту новую веру, уходили в Тибет и Китай.

ТРАЭТАОНА (Мазд.) Персидский Михаил, который боролся с Зохаком или Ажи-Дахакой, змием-разрушителем. В "Авесте" Ажи-Дахака является четырехглавым чудовищем; одна из его голов - человеческая, две других - змеиные. Дахака, который в Зороастрийских Писаниях представлен происходящим из Вавилона, был аллегорическим символом ассирийской династии царя Дахака (Аз-Дахаки), который правил Азией железной рукой, и на знаменах которого был пурпурный знак дракона, *purpureum signum draconis*. Однако, метафизически, человеческая голова обозначает физического человека, а две змеиные головы - двойственного манасического принципа, ибо и дракон, и змей, оба служат символами мудрости и оккультных сил.

НИТЬ-ДУША То же, что Сутратма (см.).

ТРИ СТУПЕНИ (Посвящения.) Каждый народ имел свою экзотерическую и эзотерическую религии, одну для масс, другую для образованных и избранных. Например, у индусов было три ступени с несколькими суб-ступенями. Также и египтяне имели три предварительных ступени, в Мистериях олицетворенных "тремя хранителями огня". Китайцы имели свое древнейшее Общество Триады; а у тибетцев по сей день существует их "тройной шаг", который в "Ведах" символизировался тремя шагами Вишну. Повсюду в древности мы находим безграничное почитание Триады или Треугольника - первой геометрической фигуры. У древних вавилонян существовало три степени посвящения в жречество (что было тогда эзотерическим знанием); евреи, каббалисты и мистики заимствовали их от халдеев, а христианская Церковь - от евреев. "Имеются Два", говорит раввин Симон бен Иохан, "в соединении с Одним; поэтому они суть Три, и если они суть Три, то они суть Один."

ТРИ ЛИКА Тримурти индийского Пантеона; три ипостаси единого божества. В "Книге Заповедей" сказано: "Существуют два Лица, один в Тушите (Дэвачане), и один на Миалбе (земле); и Превышний Святой объединяет их и в конце концов поглощает обоих".

ТРИ ОГНЯ (Оккульт.) Название, данное Атма-Буддхи-Манасу, которые, когда объединены, становятся одним.

ТЗОН ТИСРОН ЦАНЬ (Тибет.) Царь, живший между 728 и 787 гг., который пригласил из Бенгалии пандита Ракшиту - названного, благодаря его большой учености, Бодхисаттвой - чтобы тот поселился в Тибете и преподавал буддийскую философию его жрецам.

ТХУМИ САМБХОТА (Санскр.) Индийский мистик и образованный муж, изобретатель тибетского алфавита.

ТУММИМ (Евр.) "Совершенства". Орнамент на нагрудниках древних Верховных Жрецов Иудаизма. Современные раввины и знатоки древнееврейского языка могут смело сказать, что они понятия не имеют о совместных назначениях Туммим и Урим; но каббалисты, а также и оккультисты имеют. Это были орудия магического предсказания и пророческого общения - теургического и астрологического. Это доказывается следующими общеизвестными фактами: - 1) на каждом из двенадцати драгоценных камней было выгравировано имя одного из двенадцати сыновей Иакова, причем каждый из этих "сыновей" олицетворял один из знаков зодиака; 2) оба были пророческими образами, подобно терафимам, и вещали пророчества голосом, и оба служили посредниками при гипнозе и погружении жрецов, носивших их, в экстатическое состояние. Урим и Туммим не были нововведением евреев, но были заимствованы (подобно большинству других их религиозных обрядов) от египтян, у которых мистический скарабей, которого Иерофанты носили на груди, имел те же функции. Таким образом, они были чисто языческими и магическими способами предсказания; и когда еврейского "Господа Бога" предварительными заклинаниями призывали явить свое присутствие и провозгласить свою волю через Урим, то *modus operandi* был тот же, который применялся всеми нееврейскими жрецами во всем мире.

ТУМОС (Греч.) Астральная, животная душа; Кама-Манас; Тумос означает страсть, желание и смятение, и в таком смысле употреблен Гомером. Слово это, по всей вероятности, произошло от санскритского Тамас, которое имеет то же значение.

ТИА ХУАНАКО (Перуан.) Чрезвычайно величественные руины доисторического города в Перу.

ТИАМАТ (Халд.) Дракон женского пола, олицетворяющий океан: "великая мать" или живой принцип хаоса. Тиамат хотела проглотить Бэла, но Бэл послал ветер, который ворвался в ее открытый рот и убил ее.

ТИАУ (Егип.) Разновидность дэвачанского посмертного состояния.

ТЯНЬ-ХОАН (Кит.) Двенадцать иерархий Дхиани.

ТЯНЬ-СИН (Кит.) Букв., "небо разума", или абстрактные, субъективные, идеальные небеса. Метафизический термин, применяемый по отношению к Абсолюту.

ТИККУН (Халд.) Проявленный Человек или Адам Кадмон, первый луч от проявленного Логоса.

ТИФЕРЕТ (Евр.) Красота; шестой из десяти Сефиротов, мужская активная сила, отвечающая вау, V, из Тетраграмматона IHVH; также называется Мелек или Царь; и Сын. Это центральная Сефира из тех шести, которые образуют Зауир Анпин, Микропросопус или Меньший Лик. Переводится как "Красота" и "Кротость".

ТИРТХАКИ или Тиртхика и Тиртхьи (Санскр.) "Еретические учителя". Эпитет, который буддийские аскеты прилагают к браминам и определенным йогам Индии.

ТИРТХАНКАРА (Санскр.) Святые и владыки джайнов; всего их двадцать четыре. Утверждается, что один из них был духовным Гуру Готамы Будды. Тиртханкара есть синоним слова джайн.

ТИРЬЯКСРОТА (Санскр.) От тирьяк, "согбенный", и сротас, (пищеварительный) "канал". Название "сотворения" Брамой людей или существ, желудки которых, из-за их вертикального положения как двуногих, находились в горизонтальном положении. Это - изобретение Пуран, отсутствующие в Оккультизме.

ТИШИЯ (Санскр.) То же, что Калиюга, Четвертый Век.

ТИТАНЫ (Греч.) Великаны божественного происхождения в греческой мифологии, начавшие войну против богов. Прометей был одним из них.

ТИТИКША (Санскр.) Букв., "выдержка, терпение". Титикша, дочь Дакши и супруга Дхармы (божественного закона), есть олицетворение этого.

ТО ОТ (Греч.) "Бытие", "Неизреченное Все" Платона. Тот, "кого никто не видел, кроме Сына".

ТОБО (Гност.) В "Кодексе Назареев" таинственное существо, которое переносит душу Адама из Оркуса к месту жизни, и поэтому называется "освободителем души Адама".

ТОДЫ Таинственный народ в Индии, обнаруженный в неизведанных дебрях Нилгири (Голубых) Гор в округе Мадрас, происхождение, язык и религия которых неизвестны по сей день. Они полностью отличаются - этнически, филологически, и всем другим - от бадагов и мулакурумбов, двух других племен, обитающих в тех же горах.

ТУМ (Егип.) Бог, происшедший от Озириса в его аспекте Великий Глуби Нут. Он - Протею-подобный бог, который порождает других богов, "принимая любую форму по желанию". Он есть Фохат. ("Тайная Доктрина", I, 841.)

СТУПА Искусственный холм, покрывающий останки Будды или какого-либо другого великого Архата. Ступы также называют дагобами.

ТОФЕТ (Евр.) Место в долине Геенны, недалеко от Иерусалима, где постоянно поддерживался огонь, на котором в жертву Ваалу приносились дети. Таким образом, местность эта является прообразом христианского Ада, огненной Геенны вечного проклятия.

ТОРАЛВА д-р Эжен. Врач, живший в четырнадцатом веке, который получил в качестве подарка от брата Пьетро - крупного мага и доминиканского монаха - демона по имени Зекуизель, чтобы он верно служил ему. (См. "Раз. Изида", II, 70.)

ТОЯМБУДХИ (Санскр.) Страна, в северной части которой расположен "Белый Остров" - Швета Двипа - один из семи пуранических островов или континентов.

ТРАЙЛОКЪЯ или Трилокья (Санскр.) Букв., "три сферы" или мира; дополнительная триада к браминской четверке миров под названием Бхуванатрайа. Буддийский светский мирянин назовет лишь три деления каждого мира, тогда как непосвященный брамин будет утверждать, что их четыре. Четыре деления последнего суть чисто физические и чувственные, Трайлокья буддистов - чисто духовные и этические. Полное описание браминского деления можно найти под словом Вьяхрити, а пока что разница достаточно представлена в следующей параллели: -

Браминское Деление Миров.

1. Бхур, земля.
2. Бхува, небеса, небесный свод.
3. Свар, атмосфера, небо.
4. Махар, вечная светящаяся сущность.

Буддийское Деление Сфер.

1. Мир желания, Камадхату или Камалока.
2. Мир формы, Рупадхату.
3. Бесформенный мир, Арупадхату.

Все это миры посмертных состояний. Например, Камалока или Камадхату, сфера Мары, есть то, что средневековые и современные каббалисты называют миром астрального света, и "миром оболочек". Камалока, подобно всем остальным областям, имеет свои семь делений, низшее из которых начинается на земле или, невидимо, в ее атмосфере; шесть других постепенно уходят ввысь, причем самое высшее является обителью тех, кто умерли в результате несчастного случая или самоубийства в припадке временного умопомешательства, или иным образом явились жертвами внешних сил. Это есть место, где все те, кто умерли до истечения времени, отпущенного им, и высшие принципы которых, поэтому, не идут сразу в состояние Дэвачана, - спят сладким сном забвения без сновидений, по окончании которого они или немедленно воплощаются, или постепенно переходят в состояние Дэвачана. Рупадхату есть небесный мир форм, или то, что мы называем Дэвачаном. Непосвященные брамины, китайские и другие буддисты делят Рупадхату на восемнадцать Бравов или Дэва-лок; жизнь души там длится от полу-Юги до 16 000 Юг или Кальп, и высота "Теней" составляет от полу-йоджаны до 16 000 йоджан (йоджана - мера длины от пяти с половиной до десяти миль!!); и тому подобное теологическое чушь, вышедшая из жреческих мозгов. Но Эзотерическая Философия учит, что хотя для

Эго в это время све или все сохраняют свою форму (как во сне), все же, так как Рупадхату есть чисто ментальная сфера, и состояние, то сами Эго вне пределов собственного сознания не имеет формы. Эзотеризм делит эту "сферу" на семь Дхиан, "сфер" или состояний созерцания, которые являются не местностями, но их ментальными представителями. Арупадхату: эта "сфера" опять делится на семь Дхиан, еще более абстрактных и бесформенных, ибо этот "Мир" лишен вообще каких-либо форм или желаний. Это высшая сфера посмертной Трайлоньи; и так как это обитель тех, кто уже почти готовы для Нирваны, и по существу, является самым порогом состояния Нирваны, то ясно, что в Арупадхату (или Арупавачара) не может быть ни формы, ни ощущения, ни какого-либо чувства, связанного с нашей трехмерной Вселенной.

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Небольшой одноэтажный домик в тихом переулке неподалеку от театра. Палисадник, деревянное резное крылечко, на тротуаре следы метлы. В коридоре дорожка на полу, длинная вешалка на стене, на другой стене зеркало. Повесив шубу, Ульяна опустилась на стул рядом с зеркалом, Мария подала ей тапочки. Ульяна встала, потянулась, будто что-то ей мешает.

— Надо бы скинуть сбрую. У тебя в столовой тепло?

— Натоплено. Я тебе халат дам.

Ульяна подняла глаза на Сашу.

— Саша, не возражаете, если я надену халат?

— Ради Бога!

Они прошли в столовую.

— Посидите здесь, — сказала Мария, — мы сейчас вернемся. Идем, Ульяша.

Женщины вышли.

Саша огляделся. Настенные часы с маятником, миниатюры, развешенные не без вкуса, пианино, на нем узкая кружевная дорожка, уставленная фигурками, телефон на круглом столике на толстой завитой ножке. Мебель красного дерева. Саша в этом плохо разбирался, но понимал, что вещи старинные и дорогие. Голландская печь выложена изразцами в русском стиле. Тепло и уютно.

Вернулась Мария, одетая по-домашнему — в юбке, кофточке, шлепанцах, откинула с одной половины стола край плотной узорчатой

скатерти, постелила вместо нее белую, поставила три прибора, рюмки, бокалы.

— Ну как, Сашенька, нравится вам здесь?

— Роскошно, даже шикарнее, чем у меня.

Она укоризненно покачала головой.

— Сашенька, вашу квартиру я держу для тех, кому нужна прописка. Ведь вы не живете в ней.

— Конечно.

— А если бы сразу по приезде пришли ко мне, устроила бы в центре города. Но у вас была просрочка, пришлось направить туда.

— И я вам очень благодарен, — искренне сказал Саша. — Я легкомысленно к этому отнесся, и вы меня выручили.

Она покосилась на него, хотела этим сказать: я знаю, голубчик, почему ты не прописывался, но сейчас не время об этом говорить.

Вошла Ульяна в халате, с распущенными по плечам рыжими волосами: расплела косу. Халат длинный, махровый, почти не запахнутый, виднелись белые сильные ноги, округлые коленки. Все откровенно, и стало понятно, что мелькало в ее зеленовато-серых глазах: деловая цековская дама ломаться не будет, ляжет в постельку, а там как сумеешь, будем надеяться, что сумеешь. В ЦК приходится изображать высокую нравственность, а здесь, вдали от начальства и подчиненных, можно отхватить свое. Мария ей, конечно, не сказала, кто он такой.

— Ну, соколики мои дорогие, — говорила между тем Мария, ставя на стол тарелки с

закусками, — проголодались небось. Чего пить-то будете? Саша, вам, наверное, водочки, а тебе, Уляша?

— И мне немного водки.

Ульяна придвинула к столу кресло, села, положила ногу на ногу, полы халата распахнулись, ноги совсем оголились.

— Двигайся ближе, — сказала Мария, усмехаясь, — Саша уже насмотрелся на твои распрекрасные ножки. Как, Саша, насмотрелся?

— Что ему мои ножки? — отозвалась Ульяна. — Он на своих танцах сколько ножек перевидал. И беленьких, и черненьких, и в крапинку.

— В крапинку не попадались, — засмеялся Саша.

— Ладно, ребятушки. — Мария налила рюмку — Выпьем со встречей.

Ульяна тоже подняла рюмку. В ее взгляде вдруг появилась серьезность.

— Выпьем за столицу нашей родины — Москву. Мы ведь с Сашей земляки, почти соседи.

Страхуется. Если переспит с ним, не дознаются. А по рюмочке пропустить — пропустили у подружки за столицу нашей родины.

Выпили. Закусили. Такой закуски Саша давно не видел: икра черная и красная, лососина, ветчина, водка без запаха сивухи, морс смородиновый и клюквенный. Любят хорошо пожить, научились.

Ульяна протянула Саше тарелку.

— Саша, положи мне всего понемножку.

Мария пододвинула салатницы с маринованными грибами, огурцами, помидорами.

— Попробуйте и моих солений.

Ульяна попробовала, похвалила:

— Хорошо. Петровна твоя, что ли, мариновала?

— Она.

— Домашняя закуска самая лучшая. Только некогда этим заниматься.

Она держала тарелку на коленях. Есть ей было не слишком удобно, но хотела сидеть полуголой.

— Я вас еще пельменями угощу, нашими, уфимскими.

Ульяна посмотрела на часы.

— Двенадцатый час. Надо в гостиницу позвонить.

Встала, подошла к телефону, вызвала гостиницу.

— Большакова говорит. Я задержалась у подруги, поздно машину вызывать, неудобно. Заночую здесь. Запишите телефон.

— Зачем телефон дала? — сказала Мария. — Будут ночью беспокоить.

Ульяна возвратилась на свое место.

— Звонить никто не будет, никому я ночью не нужна. Вот, может быть, только Сашеньке, если не побрезгует. Как, Саша, любишь таких, как я?

— Каких таких?

— Рыжих, нахальных и бесстыжих.

Он засмеялся: вот она и сама сказала о себе так, как он о ней думал.

— Кто же их не любит?

Ульяна вернулась к разговору.

— Телефон дала на случай, если завтра поинтересуются, где ночь провела. За товарищами из центра тут в четыре глаза глядят, каждый норовит за тобой телегу послать.

Мария встала.

— Сейчас пельмени принесу, только не балуйтесь тут без меня.

Опытная сводня...

Ульяна наклонилась к Саше, в упор смотрела на него своими большими зелеными глазами, неожиданно сказала:

— Вкалываю на работе по шестнадцать часов в сутки и каждую минуту жду — откуда гром грянет? Могу я иногда разрядиться? С хорошим человеком! Как считаешь?

Он не нашелся, что ответить, только пожал плечами, естественно, мол.

Ульяна не отрывала от него взгляда.

— Ты ведь хороший человек, порядочный?

Он усмехнулся в ответ, опять пожал плечами.

— Вот и договорились. — Она потянулась к нему. — Иди, поцелуемся.

— Так ведь Мария придет.

— Ничего, ничего, Машка своя.

— Ну, ну, — услышали они вдруг голос Марии, — ведь предупреждала. Не можете потерпеть минуту.

Она поставила на стол большую миску с пельменями, разложила их по тарелкам.

— Кому сметана, кому уксус, перец, кто с чем хочет, пельмени настоящие: свинина напополам с говядиной, и баранинки немножко.

— Под такие пельмени выпить не грех, — предложил Саша.

Ему хотелось выпить. Искренне говорит Ульяна или это обычный прием, версия, оправдывающая ее? Какая разница! Он ведь тоже не тот, за кого она его принимает. Так что квиты. Она хочет погулять, ну, и он не прочь. И надо выпить.

— Правильно, — согласилась Мария, — налей себе побольше, нам поменьше. Давай, Ульяна, вместо успокоительного.

Ульяна выпила со всеми. Съела пельмешку, смотрела на Сашу, положила свою руку на его.

— Ульяна, дай человеку поесть! — прикрикнула Мария.

— Пусть ест, кто мешает?

Мария вытерла салфеткой губы, встала:

— Ладно, ребятушки, вы люди вольные, а мне к девяти на службу. Так что спокойной ночи. — Она показала на телефонный столик. — Там ключи, Ульяша, днем я у тебя их заберу. И учти, Петровна моя придет в десять часов... — Поцеловала Ульяну, Сашу, провела ладонью по его щеке. — Ничего, мужичок!

Саша проснулся, когда из-за занавесок пробились сбоку полосы света, услышал движение в столовой, звон посуды. Рядом с ним шевельнулась Ульяна, приглушенно, в подушку прошептала:

— Лежи, Машка посуду убирает.

Он закрыл глаза, звон посуды прекратился, потом хлопнула входная дверь.

— Машка ушла. — Ульяна поднялась с постели. — Сейчас вернусь.

Ульяна вернулась, забралась под одеяло, прижалась к Саше.

— Бр, бр, холодно. — Потом потянулась к столику, взяла часы. — Смотри-ка, уже почти девять. — Положила часы, прижалась к Саше. — Так бы и лежала с тобой век. Да нужно на работе показаться, давай, миленький, вставать. — Она откинула с его стороны одеяло. — Одевайся.

Саша встал, оделся.

— Я тебя выпущу, потом оденусь и уйду, мне еще полчаса волосы укладывать. Машкина домработница придет, меня застанет — ничего, а нас двоих — нельзя, сам понимаешь. Ты скажи, когда в Москве будешь? Я ведь сегодня уезжаю.

— Да? — удивился Саша.

— Да, миленький, сегодня ночным. Так когда в Москве будешь?

— Я обещал Семену Григорьевичу в Саратов поехать.

— Подумаешь, какое дело — Семен Григорьевич, старший помощник младшего дворника. У тебя квартира в Москве есть?

— У меня в Москве мать живет.

— И охота тебе таскаться по разным городам?
В Москве все тебе сделаю.

Он присел на кровать.

— А ты такая всемогущая? Где ты работаешь?

Она недоверчиво посмотрела на него.

— А ты не знаешь?

— Откуда мне знать?

Она помедлила с ответом, потом сказала:

— В Комитете по делам искусств работаю. Как в Москву поедешь, возьми мой телефон у Марии. Я ее предупрежу, чтобы дала.

— Я тебе позвоню, — сказал Саша. Знал, что никогда ей не позвонит. — Но в моем возрасте поздно начинать карьеру. Солистом не стану, статистом не хочу. Однако у меня к тебе просьба. Видела моего аккомпаниатора?

— Беленький такой?

— Да. Он театральный художник, в Ленинграде у Акимова работал, потом в Калининском ТЮЗе. Не поладил с худруком, ушел. Если бы ты ему помогла, было бы замечательно. Его фамилия Дубинин, зовут Глеб Васильевич.

— А у него все в порядке?

— В каком смысле?

— Не понимаешь... А время какое, понимаешь?

Саша пожал плечами, усмехнулся.

— Беспартийный, несудимый.

— Хорошо. — Она опять посмотрела на часы, заторопилась, встала, надела халат. — Скажи ему, мол, вчера провожал Марию Константиновну, рассказал о тебе, и велела она

зайти. Помогу ему через Машку. Идем, я тебя выпущу.

В коридоре прислонилась к стене, смотрела, как Саша надевает пальто, кепку.

— Значит, как договорились. По улице иди спокойно, не оглядывайся.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

Пока мы говорили только об убийцах-мужчинах. Но суфражистки могут спать спокойно — история уголовных преступлений свидетельствует о том, что женщины и здесь не уступают мужчинам и при случае способны отнять жизнь как у ближнего своего, так и у дальнего (хотя у ближнего чаще).

Итак, женщина-убийца Криста Леман, урожденная Амброс. Родилась в семье столяра-мебельщика. Мать долгие годы находилась в психиатрической лечебнице, отец женился вторично, но неудачно, и Криста росла практически без родительского внимания. Окончила восьмилетнюю школу, работала на кожевенной фабрике, затем на красильном предприятии, где дослужилась до старшей рабочей. Именно там она научилась обращаться с токсичными веществами. За кражу была осуждена к лишению свободы условно. В 1944 г. на химическом заводе "Хехст" она познакомилась с Карлом-Францем Леманом, из-

¹ Москва, «Ретекс», 1991.

за хромоты освобожденным от военной службы, и вскоре *'' вышла за него замуж. Муж открыл мастерскую, и в 1945—1948 гг. их дела шли хорошо.

Криста и Карл-Франц понемногу пристрастились к спиртному. После денежной реформы в Западной Германии положение ухудшилось, так как исчезла возможность заработка с помощью спекуляций и сделок на черном рынке. Между тем, муж стал пить запоем, а жена — гулять на стороне с американскими солдатами. Пошли семейные ссоры и драки. Дошло до того, что супруги подстерегали друг друга с кухонным ножом в руке. Даже трое детей, родившиеся у них, не способствовали изменению образа жизни супругов.

27 сентября 1952 г. Карл-Франц скончался при подозрительных обстоятельствах. Утром он был у парикмахера, а когда вернулся, сел завтракать вместе с женой. Он выпил молока, а Криста — кофе. Затем Леман ел на велосипед и поехал на работу, но вскоре вернулся, поскольку почувствовал резкие боли в животе и головокружение. Он к лег на диван, а Кристу послал за врачом. Когда врач приехал, Карл-Франц был мертв. Врач решил, что смерть наступила от прободения язвы желудка (известно было, что покойный страдал желудочной болезнью и много пил).

После смерти мужа Криста пустилась во все тяжкие. Пила, проводила время в ресторанах и танцевальных залах, флиртовала. Однажды она

поняла, что забеременела. Криста начала искать врача, чтобы сделать аборт до того, как беременность заметит ее свекор Валентин Леман.

Со свекром у нее были очень плохие отношения. Тот жаловался на нее знакомым и подумывал о том, чтобы сообщить о ней в полицию нравов. Но 14 октября 1953 г. во время велосипедной поездки на работу (сценарий повторяется!) Валентин Леман упал с велосипеда и умер. Вызванный прохожими врач Бекер констатировал смерть от паралича сердца, поскольку Леман был известен ему как сердечный больной. За полчаса до поездки Валентин Леман завтракал вместе со снохой.

Кто-то прибежал в дом Леманов и сообщил Кристе, что на улице умер ее отец. Криста на велосипеде приехала на место происшествия, но увидев, что покойник — это ее свекор, развернулась и уехала обратно.

Прошло еще немного времени, и так же внезапно умерла свекровь Кристи — вдова Валентина Лемана. Наконец, 15 февраля 1954 г. умерла Анни Хаман, близкая подруга Кристи, с которой они частенько вместе развлекались. Случилось это так.

Вечером, вернувшись домой, Анни Хаман решила поесть и нашла на тарелке в шкафу пирожное в виде шоколадного гриба с кремом внутри. Она откусила кусочек, прожевала часть, но почувствовав горечь, остаток выплюнула на пол. Тут же подбежала домашняя собачка и

проглотила этот остаток. Мать Анни Хаман, стоявшая у плиты, увидела, что дочь вдруг побледнела, покачнулась и закричала:

— Мама, я ничего не вижу!

Она еще нашла в себе силы дойти до спальни и там, рухнув на кровать, умерла в сильных судорогах.

Только после этого полицейский инспектор Дамен заподозрил неладное. Он установил наблюдение за Кристой Леман и 19 февраля 1954 г., в день похорон Анни, арестовал ее.

После трехдневного допроса Криста Леман потребовала привести к ней в камеру священника и ее отца — Карла Амброса. В их присутствии она призналась, что купила в магазине средство по борьбе с сельскохозяйственными вредителями и начинила им шоколадный гриб. Но убить она хотела не Анни, а ее мать — 75-летнюю Еву Ру, поскольку та осуждала совместные загулы подруг.

В ходе расследования выяснилось, что мужа и свекра она убила тем же способом: одному влив яд в молоко, а другому — в кефир. Но убийство свекрови она отрицала, и эксгумация также не позволила доказать ее вину в этом случае. Правда, такие показания Криста дала не сразу. Поначалу она отрицала и умышленное убийство Анни Хаман. Она утверждала, что хотела, чтобы Ева Ру только заболела, чтобы ее болезнь заставила Анни вспомнить о своих обязанностях дочери. Криста говорила, что хотела таким

способом отвязаться от назойливой дружбы Анни.

Сотрудники уголовной полиции долго бились с Кристой, пытаясь узнать правду о смерти ее мужа и свекра. И вот, после очередного допроса, когда измотанные следователи велели увести подследственную, та, выходя в коридор, хладнокровно бросила:

— А вообще-то свекра отравила тоже я.

Спустя еще некоторое время она точно так же — выходя после долгого допроса в коридор — созналась в убийстве мужа.

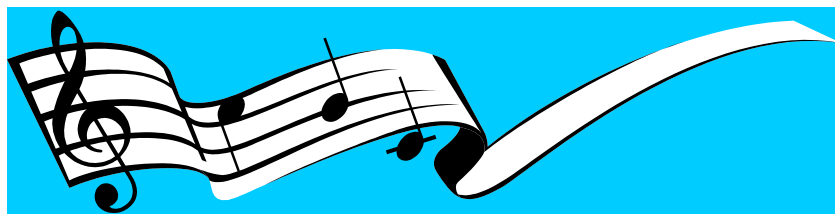
Пока шло следствие, Криста Леман стала невольной убийцей еще нескольких десятков человек в ФРГ и Австрии. Дело в том, что газеты раструбили про яд Е-605, который входил в состав средства от насекомых, и только с 16 февраля по 7 марта 1954 г. более 30 человек покончили с собой при помощи этого яда. Позднее его также использовали как для убийств, так и для самоубийств.

Ну, а Кристу Леман судили с 22 по 24 сентября в земельном суде Майнца. "В скромном зеленом платице с черной вышивкой, закрывая руками лицо от фоторепортеров, вошла она в новый зал судебных заседаний. Во время слушания дела она была совершенно безучастна и молчалива. Противоречивые показания о ее характере или о ее муже не вызывали у Кристи никакой реакции. Единственное, что выводило ее из себя, были упреки в том, что она пренебрегала своими обязанностями хозяйки дома и матери.

Общественность и пресса давно вынесли свой приговор этой женщине, и теперь настала очередь суда. Криста Леман была приговорена к пожизненному тюремному заключению. В своем последнем слове она просила не лишать ее гражданских прав. На вопрос изумленного председателя суда Никса, зачем ей это нужно, она ответила, что в случае помилования хочет быть полноправным членом общества".

Да, я еще забыл сказать, что домашний песик Евы Ру — чудесный белый шпиц, подобравший с пола кусок отравленного пирожного, тоже мгновенно умер, как и дочь его хозяйки.

(продолжение предполагается)

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

**** * ****

Глава 5. Фестиваль

Одним из решающих обстоятельств, повлиявших на мою дальнейшую судьбу, стал Международный фестиваль молодежи и студентов, прошедший в Москве в 1957 году. Сейчас, оглядываясь назад, на те времена из постперестроечного сегодня, осознаешь особенно ясно, какую ошибку совершила тогда Софья Власьевна (так мы называли Советскую власть), устроив этот фестиваль. Здесь, конечно, сыграла свою роль кратковременная эйфория хрущевской игры в разоблачение

культы личности. Кроме того, власти недооценили всю силу последствий приоткрывания хоть на миг "железного занавеса", настолько они были уверены во всепобеждающей силе советской идеологии. Первый прорыв к нам духа западной культуры, имевший место в период между 1945 и 1947 годами, был постепенно нейтрализован при помощи ряда идеологических кампаний по борьбе с космополитизмом, низкопоклонством и т.п. Недавние друзья и соратники СССР, и в первую очередь США, были объявлены лютыми врагами, и еще при жизни Сталина советское общество было переориентировано и четко знало, с кем ему предстоит бороться в будущем и чья идеология ему не подходит. И верило в это. Мне кажется, что Фестиваль 1957 года стал началом краха советской системы. Процесс разложения коммунистического общества сделался после него необратимым. Фестиваль породил целое поколение диссидентов разной степени отчаянности и скрытности, от Вадима Делоне и Петра Якира до "внутренне эмигрировавших" интеллигентов с "фигой в кармане". С другой стороны, зародилось новое поколение партийно-комсомольских функционеров, приспособленцев с двойным дном, все понимавших внутри, но внешне преданных.

Первое массовое проникновение советских людей за "железный занавес" произошло еще во время Великой Отечественной войны, когда

советские солдаты и офицеры прошли по Европе, а в конце войны познакомились и с американцами. Вернувшись с войны воинам уже трудно было доказать, что жизнь в Советском Союзе самая благоустроенная и счастливая в мире. Они своими глазами увидели западную цивилизацию и стали нежелательными свидетелями этого у себя на родине. Поэтому Сталин так умело и безжалостно избавился под разными предлогами от тех из них, под кого можно было подвести любое обвинение, и в первую очередь от побывавших в плену. Другое дело - хрущевская оттепель, разоблачение "культ личности", начальная, осторожно дозированная информация о массовых репрессиях и ГУЛАГе.

До 1957 года инерция мышления, привитого народу в сталинские времена, была достаточно велика. Кровавые венгерские события 1956 года оказалась первым экзаменом для нашей "общественности", реакция была, но довольно вялой и скрытой, не такой, как в 1968 и 1980 годах, в случаях с Чехословакией и Афганистаном. Я помню, как после официальных сообщений в советской печати о событиях в Венгрии, на занятиях по марксизму, обычные студенты-комсомольцы, а не какие-нибудь стилиги, задавали недоуменные вопросы преподавателю. И это при том, что мы еще не знали всех страшных подробностей о зверствах на улицах Будапешта. Я, как и другие нонконформистски настроенные молодые люди,

как раз старался не высовываться, и вопросов не задавал, понимая, что ответы проработаны заранее в ЦК КПСС. Кстати, о подробностях мы узнали гораздо позже от вернувшихся оттуда военнослужащих, от тех, кого заставляли давить танками мирных жителей, от тех, кто брал штурмом ключевые здания города. Несмотря на запрет, они не могли молчать и проговаривались кому-нибудь из родных или близких друзей, а дальше это моментально распространялось в виде страшных слухов.

Фестиваль 1957 года стал неким рубежом в деле формирования нового отношения части советских людей ко всему происходящему как в СССР, так и за рубежом. Именно после него к нам хлынул новый информационный поток, так как в крупных городах страны появилась возможность подписываться на некоторые зарубежные издания, газеты и журналы, главным образом из стран народной демократии. Но и этого было достаточно, чтобы быть в курсе культурной, да и политической жизни Запада. Для того, чтобы воспользоваться информацией, шедшей со страниц польских журналов "Пшекруй" и "Доокола Свята", или югославской "Борбы", надо было лишь приобрести в магазине "Дружба народов" соответствующие словари и научиться читать — причем нередко то, что находится "между строк". Идеологические границы между странами народной демократии и Западом были гораздо более прозрачными, чем "железный занавес",

отделявший СССР от остального мира, а мы этим и пользовались.

Для жителей Москвы фестиваль оказался чем-то вроде шока, настолько неожиданным оказалось все, что они тогда увидели, узнали и почувствовали при общении с иностранцами. Сейчас даже бесполезно пытаться объяснить людям новых поколений, что крылось тогда за словом "иностранец". Постоянная агитация и пропаганда, направленная на воспитание ненависти и подозрительности ко всему зарубежному, привела к тому, что само это слово вызывало у любого советского гражданина смешанное чувство страха и восхищения, как перед шпионами. До 1957 года в СССР никаких иностранцев никто в глаза не видел, только в кино да на страницах центральных газет и журнала "Крокодил", в виде жутких карикатур. Американцы изображались двумя способами - либо бедные безработные, худые, небритые люди в обносках, вечно бастующие, либо - толстопузый буржуй во фраке и в цилиндре, с толстенной сигарой в зубах, этакий "Мистер Твистер, бывший министр". Ну, была еще и третья категория - это совсем уж безнадёжные негры, сплошь жертвы Ку-клукс-клана. Кукрыниксы, Борис Ефимов и другие придворные карикатуристы набили руку на изображениях представителей разных стран. Стали стандартными изображения "кровавой собаки Тито" с топором, Чан-Кай-Ши на тонких ножках, толстой свиньи Черчилля, де Голля,

Аденауэра, Эйзенхауэра и других. Ни туристы, ни бизнесмены в страну еще не приезжали, дипломаты, военные атташе и редкие журналисты на улицах не появлялись, и об их существовании знали лишь соответствующие работники МИДа, КГБ и партийных верхов. Поэтому, когда мы вдруг увидели на улицах Москвы сотни, если не тысячи иностранцев, с которыми можно было свободно общаться, нас охватило нечто, подобное эйфории. Иностранцы эти оказались совсем не такими, как нам представлялось. Во-первых, это были очень молодые люди, что было странно, так как не вязалось с привычным карикатурным стереотипом пожилых политиков. Во-вторых, мы увидели впервые вблизи не только долгожданных американцев, англичан, французов и итальянцев, а и негров, причем настоящих, африканских, китайцев, арабов, латиноамериканцев, не говоря уже о братьях-славянах - поляках, чехословаках, болгарях... Одно из первых впечатлений от иностранцев состояло в том, что внешне они выглядели совсем иначе, чем у нас тут себе представляли. Прежде всего, все были одеты по-разному, не "стильно", а обычно - удобно, пестро, спортивно и небрежно. Чувствовалось, что приехавшие к нам иностранцы вовсе не придают такого значения своей внешности, как это происходило у нас. Ведь в СССР только за узкие брюки, длину волос или толщину подошвы ботинок можно было вылететь из комсомола и института,

внешность была делом принципа, носила знаковый характер. Западные модники разных периодов, так называемые "хипстеры", противопоставляющие себя жлобам - "скуэрам" и просто поколению родителей, тоже имели какие-то проблемы в своих странах, но для них это была скорее игра, романтическая, безопасная и никак не влиявшая на дальнейшую судьбу. Где-то в 80-е годы мне удалось посмотреть документальный американский фильм о том, как в начале 50-х американское общество боролось с новой молодежной модой на джинсы. Там были такие кадры, когда в одной из школ учителя и родительский актив выстраивали учеников старшего класса на спортплощадке, и покрывали позором двух-трех отщепенцев, пришедших в джинсах, заставив их выйти вперед на всеобщее обозрение. Главным аргументом было то, что джинсы считались очень некрасивыми, и на этом нравоучения заканчивались, а дети продолжали делать то, что хотели. Но это было в довольно мрачные и нетипичные для Америки времена, в период маккартизма, охоты на ведьм, работы Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, борьбы с рок-н-роллом. Ведь тогда некоторые политики в США додумались до такого парадоксального "открытия", что рок-н-ролл является тайным оружием русских в союзе с чернокожими, и он запущен в Штаты с целью разложения и ослабления великой американской культуры... Но к 1957 году вся эта истерия

поутихла, рок-н-ролл постепенно становился гордостью и достоянием Америки, а джинсы - неотъемлемой частью молодежной одежды.

Атмосфера фестиваля, несмотря на его строго предусмотренную регламентированность, оказалась легкой и непринужденной. Энтузиазм был неподдельный, все было замешано на лозунге "Мир и дружба", повсюду из громкоговорителей звучала музыка и песни, специально приготовленные к этому событию, типа "Мы все за мир, клятву дают народы.." или "Если бы парни всей Земли..." Вся Москва была завешана эмблемами, плакатами, лозунгами, изображениями голубя мира Пабло Пикассо, гирляндами, иллюминацией. Фестиваль состоял из огромного числа запланированных мероприятий разного типа, и простого неорганизованного и неподконтрольного общения людей на улицах в центре Москвы и в районах нахождения гостиниц, где были расселены гости. Днем и вечером делегации, подчиняясь распорядку фестиваля, находились на местах встреч и выступлений. Но поздним вечером и ночью начиналось свободное общение. Естественно, власти пытались установить контроль за контактами, но у них не хватало рук, так как следящие оказались каплей в море. Фестиваль вызвал у москвичей массовое желание общаться, причем не только с иностранцами, а также и между собой. Погода в течение этих двух недель стояла отличная и толпы народа

буквально затопили главные магистрали, по которым проезжали на открытых грузовиках и в автобусах делегации разных стран. Чтобы лучше видеть происходящее, люди залезали на уступы и крыши домов, что приводило иногда к инцидентам. Так, например, от наплыва любопытных провалилась крыша Щербаковского универмага, находившегося на Колхозной площади, на углу Сретенки и Садового кольца. После этого универмаг долго ремонтировали, открыли ненадолго, а затем и вообще снесли. Ночами народ собирался в центре Москвы, на проезжей части улицы Горького, у Моссовета, на Пушкинской площади, на проспекте Маркса и в других местах. В основном это была молодежь, хотя иногда в толпе можно было встретить любопытного пожилого человека, любителя поспорить. А споры возникали на каждом шагу и по любому поводу, кроме, пожалуй, политики. Во-первых - боялись, а главное - ею в чистом виде не очень-то интересовались. На самом деле, политический характер был у любых споров, будь то литература, живопись, мода, не говоря уже о музыке, особенно о джазе. Предметами споров были еще недавно запрещавшиеся импрессионисты, Чюрлёнис, Хемингуэй и Ремарк, Есенин и Зощенко, входивший в моду Илья Глазунов с его иллюстрациями к произведениям не совсем желательного в СССР Достоевского. Это были не столько споры, сколько первые попытки свободно высказывать

свое мнение другим людям и отстаивать его. Я помню, как светлыми ночами на мостовой улицы Горького стояли отдельные кучки людей, в центре каждой из них несколько человек горячо обсуждали какую-нибудь тему. Остальные, окружив их плотным кольцом, вслушивались, набираясь ума-разума, привыкая к самому этому процессу - свободному обмену мнениями. Это были первые уроки демократии, первый опыт избавления от страха, первые, абсолютно новые переживания неподконтрольного общения. Эти кучки людей постоянно перетекали одна в другую. Послушав, о чем говорят в одном месте, часть народа переходила в другое, и так продолжалось почти до рассвета. Расходились, чтобы немного поспать, и с утра вновь стараться попасть на одно из мероприятий фестиваля.

Одним из признаков фестиваля стала своеобразная сексуальная революция, которая стихийно произошла в Москве в эти дни. Молодые люди и особенно девушки как будто сорвались с цепи. Пуританское советское общество стало вдруг свидетелем таких событий, которых не ожидал никто, даже наиболее испорченная его часть в лице чуваков и чувих. То, что произошло, покорило даже меня, тогдашнего горячего сторонника свободного секса. Поражали и формы, и масштабы происходившего. Здесь сработали несколько причин. Прекрасная теплая погода, общая эйфория свободы, дружбы и любви, тяга

к иностранцам и главное - накопившийся протест ко всей этой пуританской педагогике, лживой и противоестественной. Сам я не был участником этих событий, но слышал много рассказов, которые в основных деталях были схожи. А происходило вот что. К ночи, когда темнело, толпы девиц со всех концов Москвы пробирались к тем местам, где проживали иностранные делегации. Это были различные студенческие общежития и гостиницы, находившиеся на окраинах города. Одним из таких типичных мест был гостиничный комплекс "Турист", построенный за ВДНХ. В то время это был край Москвы, так как дальше жилых домов еще не было, а шли колхозные поля. В гостиничные корпуса советским девушкам прорваться было невозможно, так как все было оцеплено профессионалами-чекистами и любителями-дружинниками. Но запретить иностранным гостям выходить за пределы гостиниц никто не мог. Поэтому массовые знакомства между приезжими парнями и поджидавшими их местными девушками возникали вокруг гостиниц. События развивались с максимальной скоростью. Никаких ухаживаний, никакого ложного кокетства. Только что образовавшиеся парочки скорее удалялись подальше от зданий, в темноту, в поля, в кусты, точно зная, чем они немедленно займутся. Особенно далеко они не отходили, поэтому пространство вокруг гостиниц было заполнено довольно плотно,

парочки располагались не так уж далеко друг от друга, но в темноте это не имело значения. Образ загадочной, стеснительной и целомудренной русской девушки-комсомолки не то чтобы рухнул, а скорее обогатился какой-то новой, неожиданной чертой - безрассудным, отчаянным распутством. Вот уж действительно, "в тихом омуте..." Реакция подразделений нравственно-идеологического порядка не заставила себя ждать. Срочно были организованы специальные летучие моторизованные дружины на грузовиках, снабженные осветительными приборами, ножницами и парикмахерскими машинками для стрижки волос наголо. Когда грузовики с дружинниками, согласно плану облавы, неожиданно выезжали на поля и включали все фары и лампы, тут-то и вырисовывался истинный масштаб происходящей "оргии". Любовных пар было превеликое множество. Иностранцев не трогали, расправлялись только с девушками, а так как их было слишком много, дружинникам было ни до выяснения личности, ни до простого задержания. Чтобы не терять времени и впоследствии иметь возможность опознать хотя бы часть любительниц ночных приключений, у них выстригалась часть волос — делалась такая "просека", после которой девице оставалось только одно - постричься наголо и растить волосы заново. Так что пойманных быстро обрабатывали и отпускали. Слухи о происходящем моментально

распространились по Москве. Некоторые особо любопытные ходили к гостинице "Турист", в Лужники и в другие места, где были облавы, чтобы просто поглазеть на довольно редкое зрелище. Сразу после окончания фестиваля у жителей Москвы появился особо пристальный интерес ко всем девушкам, носившим на голове плотно повязанный платок, наводивший на подозрение об отсутствии под ним волос. Много трагедий произошло в семьях, в учебных заведениях и на предприятиях, где скрыть отсутствие волос было труднее, чем просто на улице, в метро или троллейбусе. Еще труднее оказалось утаить от общества появившихся через девять месяцев малышей, чаще всего не похожих на русских детей да и на собственную маму ни цветом кожи, ни разрезом глаз, ни строением тела.

С точки зрения изменения взглядов советских людей на моду, манеру поведения, образ жизни, Фестиваль сыграл также громадную роль. Ведь до него вся страна жила по инерции в некоем оцепенении и страхе, несмотря на то, что Сталин как бы ушел в прошлое. Косность и враждебность советского общества по отношению ко всему новому, особенно западному, нельзя рассматривать лишь как результат усиленной советской пропаганды. Я на своем опыте давно убедился в том, что и безо всякой агитации российской массе свойственна нетерпимость ко всему чужому, а также нежелание узнать получше и разобраться,

— а вдруг понравится. Эта природная лень, смешанная с самоуверенностью великой нации, и была всегда причиной такого чудовищного разрыва во вкусах, да и просто в уровнях культуры между основным большинством и кучкой, выражаясь по Л. Н. Гумилеву - "пассионариев", а проще - эстетов, пижонов, снобов, стилиг, штатников, хиппи и др.... При этом надо заметить, что здесь деление общества на интеллигентных и неинтеллигентных не срабатывает. Я знал множество представителей интеллигенции, типичных "образованцев", людей с дипломом, но абсолютных жлобов в отношении к современной культуре, причем жлобов добровольных. Меня особенно поражали бывшие коллеги --- архитекторы, люди с универсальным, гуманитарно-техническим образованием, в массе своей не интересовавшиеся джазом, причем настолько, что не отличали саксофон от трубы. Не раз, встречаясь с кем-нибудь из своих сокурсников по Московскому Архитектурному институту, я слышал вопрос: " Ну что, ты все еще на трубе своей играешь?"... Мне кажется, совсем необязательно все это любить, но не быть хотя бы в курсе современных тенденций в искусстве, культуре, науке - это недостойно образованного человека.

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЩИ

У Феофилакта брали,
у Бориса брали, у
Евлалии - две.
Клементий, Лаврен-
тий, Осип, Зюзя,
Револют, - к этим зря
ездили, ничего не нашли,

одни обрывки. У Малюты в сараюшке три
книги закопаны, все черными пятнами
пошедцы, ни слова не разберешь. Вандализм...
Клоп Ефимыч, - кто бы мог подумать? - сундук
цельный держал, и на виду, две дюжины сухих и
чистых. А только ни слова по-нашему, а значки
неведомые: крюки да гвозди гнутые. У Ульяны
- только с картинками. Мафусаил и Чурило,
близнецы, за рекой жили, мышей в рост
давали, - одна, маленькая, рваная. Ахметка
спалить успел: спугнули... Зоя Гурьевна
спалила. Авенир, Маккавей, Ненила-заика,
Язва, Рюрик, Иван Елдырин, Сысой, - у этих
ничего. У Януария, знать, было когда-то, да
делось невесть куда, а только в чулане все
стены картинками увешаны, а на картинках
бабы срамные.

Мрак.

- Сколько ж гадости в народе, - говорил тесть,
- ты подумай. Ведь когда еще было сказано: книг
дома не держать! Сказано? - сказано. А нет,
держат. Все по-своему хотят. Гноят, пачкают, в
палисаде закапывают. Чуешь?

- Да, да.

- Дырки проковыривают, страницы рвут, на сигарки сворачивают...

- Ужасно, не говорите!..

- Вместо крышек на суповые горшки кладут...

- Не травите душу! Слышать не могу!..

- То слуховое окно книжкой заткнут, а дождь пойдет, листы-то и расползутся, ровно каша... А то в печную трубу сунут, - сажа, копоть страшная, а потом пых! - и сгорела... А есть которые дрова жалеют, книжками печи топят...

- Молчите, молчите, не надо!..

- А есть такие, - слышь, зять? - есть которые листов нарвут да в нужный чулан снесут, а там на гвоздок-то для надобностей своих навесят... А надобности их известные...

Бенедикт не выдерживал, вскакивал с тубарета; запустив руки в волосья, бегал по горнице: в сердце узел тесный, в душе сумятица и кривизна, будто наклон какой, будто пол под ногами накренился, как во сне, и вот сейчас, сейчас все с него покатится в бездонную яму, в колодец, не знай куда. Мы тут сидим себе, али на лежанке лежим в теплом тереме, все у нас чисто и культурно, с кухни блинами пахнет, бабы у нас степенные, белые, румяные, в бане распарены; сами расфуфырены: бусы, да кокошники, да сарафаны с лентами, да юбки, да вторые, да третьи, да еще что придумали: шали надели с шорохом, белые, из пера кружевного, чистого, узорчатого; - а там в городке-то

голубчики в неметеных избах, в копоты да срани своей неизбывной, с побитыми рылами, со взорами мутными, хватают книгу, пальцев не обтеревши; рвут с треском, вырывают листы, - поперек, пополам; отрывают ноги коням, головы красавицам; скомкав, швыряют морские ладьи в прожорливый огонь; свертывают, давя, белые дороги в сигарку: завивается путь сизым дымком, трещат, погибают цветущие кусты; под корень срубленное, со стоном валится дерево Сирень, валится береза золотая, вытоптан тюльпан, загажена тайная поляна; с диким криком, с разорванным ртом валится с ветвей Княжья Птица Паулин, - ноги кверху да головой об камень!

Сожжешь - не вернешь, убьешь - не воротишь; что бы вынес ты из горящего дома?.. Я-то? Ай не знаете? А еще Истопник! А то спрашивал загадку, али, говорит, дилемму: кабы выбирать, что б ты вытащил: кошку али картину? Голубчика али книгу? Вопросы! Еще вроде как мучился, сумлевался, головой качал, бородой крутил!.. "Не могу решить, триста лет думаю..." Кошку, прям! Кошке, - али, по-научному, коту, - ему наподдать надо, чтоб как плевков летел, чтоб под ногами не путался, чтоб работу свою знал: мышей ловить! а не картину!.. Голубчики?! Голубчики - прах, труха, кало, дым печной, глина, в глину же и возвернутся. Грязь от них, сало свечное, очески...

**Ты, Книга, чистое мое, светлое мое, золото
певучее, обещание, мечта, зов дальний, -**

**О, призрак нежный и случайный,
Опять я слышу давний зов,
Опять красой необычайной
Ты манишь с дальних берегов!..**

**Ты, Книга! Ты одна не обманешь, не
ударишь, не обидишь, не покинешь! Тихая, - а
смеешься, кричишь, поешь; покорная, -
изумляешь, дразнишь, заманиваешь; малая - а
в тебе народы без числа; пригоршня буковок,
только-то, а захочешь - вскружишь голову,
запутаешь, завертишь, затуманишь, слезы
вспузырятся, дыхание захолонет, вся-то душа
как полотно на ветру взволнуется, волнами
восстанет, крылами взмахнет! А то чувство
какое бессловесное в груди ворочается,
стучит кулаками в двери, в стены:
задыхаюся! выпусти! - а как его, голое-то,
шершавое, выпустишь? какими словами
оденешь? Нет у нас слов, не знаем! Как все
равно у зверя дикого, али
у слеповрана, али русалки, - нет слов, мык
один! А книгу раскроешь, - и там они, слова,
дивные, летучие:**

**О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!..**

...али желчь, и грусть, и горесть, и пустота
глаза осушат, и тоже слов ищешь, а вот они:

Но разве мир не одинаков
В веках, и ныне, и всегда,
От каббалы халдейских знаков
До неба, где горит звезда?

Всё та же мудрость — мудрость праха,
И в ней — всё тот же наш двойник:
Тоски, бессилия и страха
Через века глядящий лик!

Бенедикт выбегал на галерею, смотрел с
верхотуры на слободу, на городок, на горки
его и низины, на тропы, протоптанные между
заборами, на занесенные снегом улицы; дуло и
шуршало снегом, с шорохом сыпалось с крыши
за ворот. Стоял, вытянув шею, вертел
головой туда-сюда, всматривался, смаргивал
иней: у кого спрятано? У кого, - в тряпице на
печи, в ящике под лежанкой, в ямке земляной, в
берестяном коробе, - у кого? Знать бы!.. Ведь
есть же, есть, есть!.. Знаю, что есть, вот чую,
нюхом чую: есть! - только у кого? Щурясь,
всматривался в слепой полумрак: сумерки,
зажигаются огоньки в избах; поспешают-
семянат там внизу людишки, бегут-торопятся в
печное тепло, на лавку, да за суп за свой,
жидкую мышиную похлебочку... Как и едят-то
дрянь такую, как и не противно-то?.. Чуть
темная водица, - вот как ноги помоешь, такого

цвета... Малые тушки на дно осевши, червярями для солености приправлено... Народный анчоус... Никита Иванович так червяря звал... Жив ли старик-то? А проведать его... Может, книга у него есть? Может, почитать даст? - и лечить его не надо, сам даст...

А была б моя воля, - весь город перетряхнул бы: сдавай книги, тудыть! А тесть не дает, сдерживает: умерься, зять, всех лечить заберем - кто работать будет? Дороги чистить, репу садить, туса плести? Подход у тебя негосударственный: все норовом! Все рывком! да сразу! да сейчас! - так только народ перепугаешь, разбегутся! Ты мышей ловил? Науку знаешь? - то-то!..

Верно, ловил в свое время. Прикармливал. Да. Разбогател даже на час. А потом? - сошло все, как и не бывало! От всего богатства - одни ватрушки, и те подгоремши!

А ноги бы надо размять. В зверинец зашел. Бескультурье... Запах такой звериный, тяжелый. Козляки блеют. Тетеря с приятелями, как всегда, в карты режется:

- А мы вам вальта!
- А мы его червонцем!
- Спятил, что ли?
- А козырная!
- Что ж, что козырная? Червонец прошел!

Скинули червонец-то! Жулит он, ребята!

Как всегда - ни навоз не убрали, ничего.

- Тетеря! Поди сюда. Запрягайся.

- Погоди, доиграем.

- Что значит погоди? У тебя отдых был - предостаточно.

- Тэк-с... Бабец, и еще бабец! Вот вам!

- Тетеря!

- У меня пересменка... Берешь? - и вальта тебе впридачу.

- Тетеря!!! - затопал ногами Бенедикт.

- Ну, чего, чего... Разорался... У саней полозья погнувши.

- Не ври! Всегда одно и то же! Обувайся, кататься поеду. Пять минут тебе на сборы!..

Бенедикт пошел вдоль клетей. Тут воробьи. Мелкая птица, вроде мыши, а вкусная. Только костей много. Тут соловьи были. Съели соловьев, надо новых ловить. Это весной. Сейчас они попрятались. Тут - что у нас. Тут деревяница.

- Деревяница! - позвал Бенедикт. - Выйди!

Не выходит.

- Выходи, сукина дочь!

Не хочет. Подгреб, ухмыляясь, Терентий.

- А ты громче.

Крикнул громче.

- Да ты еще громче.

- Дре-вя-ни-цааааааааааааааааааааа!!!

Не идет, что такое!

- А ты так крикни, чтоб кишки лопнули. Она и выйдет. С кишок.

Бенедикт посмотрел с сомнением: скотина ржет, довольный:

- Гы! Вы ж ее съели!

- Разве? Так что ж ты мне тут!..

Шутки дурацкие... Так и голос сорвешь на морозе. Бенедикт оглядел клетки. Вся птица, что послабей, в дупле хоронится. Слеповран нахохлился, голову под крыло. Птицы-блядуницы в стайку сбились, друг друга греют.

Страдают! А, то-то! Будете знать, как на головы гадить! Ведь до чего птица мусорная! И мясо у нее мусорное, жилистое, это уж только перерожденцев кормить, а люди не едят. И в лесу она жить не хочет, а только в городе, блядуница эта.

В дальней клетки, где дерево голое, сук голый тож, - никого не видать. Кто в ней жилец - незнамо. А он в дупле. А может, и нету никого: клеть чистая, ни помета, ни перьев. А может, съели его.

...Эвон, деревяницу-то съели! А он и не заметил, читамши. Так он и не разглядел ее толком. Теперь когда еще другую поймают. Она в руки не дается, деревяница.

- Поехали, - поторопил Тетеря. - Мерзну.

- Будешь, тварь, еще мне указывать! Надо - так и померзнешь!

Ногой пнул гадину в бок, в сани сел, медвежьей шкурой укрылся.

- Пшо-о-ол! Галопом - и с песнями!

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

31

Утром снег растаял.

Данилов, зевая, стоял у окна, потягивался.

В квартире его было чисто, стол сдвинут и поставлен на место, посуда вымыта. Будто и не сидели у Данилова всю ночь гости. Лишь в глиняном горшке на окне в черноземе остался пепел. Видимо, в споре Муравлев тыкал сигаретой в кактус.

Не было и Наташи. Данилов позвонил ей, но, наверное, Наташа уже ушла в свои лаборатории.

Да и играл ли он вчера в Клубе медицинских работников? Естественно, играл. И в клубе, и по дороге домой, и во сне. Вот и цветы, нарциссы и лилии, стояли в хрустале. Были вечером в руках у Данилова и розы, но он их сразу же раздал дамам.

Данилов спустился на лифте к синим почтовым ящикам, взял газеты. В Анголе бились повстанцы, Карпов мучил Полугаевского,

Мальцев по системе "гол плюс пас" набрал двадцать семь очков и вышел на четвертое место.

Просмотрев газеты, Данилов несколько опечалился. Ничего он как будто бы и не ждал от газет, однако выходило, что ждал. Ну ладно "Спорт", там и Мальцеву дали мало строк, но вот "Культура"-то или "Московская правда" могли ведь уделить симфонии Переслегина и ее исполнителям хоть абзац. Хоть строчку в "Новостях культурной жизни". А не уделили. "Чем я занимаюсь! — возмутился Данилов. — И о знаменитостях-то газеты сообщают не сразу, а тут искать про себя, да еще и на следующий день!.." Да и подумаешь, какое событие произошло вчера в Клубе медиков! Дрянь, стало быть, а не событие, если Клавдия не сочла нужным явиться в клуб. Данилов вспомнил, как Клавдия рвалась к синему быку. И нечего искать в газетах...

Внизу на улицах неслись машины, торопились люди, тащили сумки и портфели, ветры мели желтый коммунальный песок по скользким тротуарам, подталкивали озабоченных граждан — к работам, к службам, к занятиям. Что изменила в судьбах, в душах этих людей музыка Данилова, что она вообще могла изменить? Видимо, ничего... Данилов был утомлен и пуст душой. Музыка стала противна Данилову.

В стеганом халате Данилов сидел на диване. Исходил озябшей душой. И музыка ему была не

нужна, и сам себе он не был нужен. Никто не был ему нужен.

Зазвонил телефон.

— Здравствуй, Володя, — сказал Земский, — был, был я вчера на твоём выступлении!

— Вот как...

— Взял бюллетень и сходил.

— А была ли нужда, Николай Борисович? Музыка Переслегина находится в полном противоречии с вашей.

— А я любопытный. И потом, ведь я пока терпим к иным направлениям. Пусть себе дудят. А ты сыграл сильно, вот что я тебе хочу сказать.

— Спасибо, Николай Борисович.

— Сильно и дерзко. Будто спорил с кем-то. Не со мной?

— Нет, Николай Борисович, я не спорил с вами. Просто играл, и все. Как мог...

— Теперь ты должен играть не как можешь, а как не можешь. В крайнем случае ты ведь все равно сыграешь как можешь. Ты понял меня?

— Я понял, Николай Борисович.

— Играй, играй, иди дальше... Будешь большим артистом, — сказал Земский. — А потом дойдешь до черты. Спросишь: "А дальше куда?.." И некуда дальше. Шагнешь в невозможное, а из невозможного-то прибредешь к тишизму... Вот ведь как... Я тебя не пугаю, не расстраиваю, я без зла... Кстати, много ли гармонии было во вчерашней музыке? Играл ты блестяще, но гармония-то где?

— Я стремился к гармонии.

— Ну и что? — сказал Земский.

— А ваши теории и мечты, Николай Борисович, разве не поиски гармонии, пусть и своеобразной?

— Володя, — вздохнул Земский, — юн ты еще и свеж... Много тебе еще придется по мукам ходить...

На этом Николай Борисович закончил разговор.

Звонок Земского взбодрил Данилова. "Хоть одного-то, но задела наша музыка! Так он и сказал, — вспоминал Данилов, — играл ты сильно..." А ведь Земский — ценитель строгий! Данилов даже встал, в возбуждении ходил по комнате, полы его стеганого халата разлетались. Теперь он мечтал о новых звонках, в особенности надеялся услышать Переслегина и Чудецкого. "Нет, — говорил себе Данилов, — все же я молодец! Пусть в мире ничего не изменилось. Оно и не могло измениться! Но вдруг что-то изменилось во мне? В музыканте Данилове? Я играл так, как не играл раньше. И на простом альте. Отчего же мне хоть сегодня не быть довольным собой?"

"А что же Наташа мне даже и записки не оставила?" — подумал Данилов. Теперь он досадовал на то, что Наташа уехала вместе с гостями. Данилов понимал, что так оно, наверное, и к лучшему, что Наташа справедливо

полагает жить и сама по себе, а не только при нем, еще Александр Сергеевич говорил, — правда, французскими словами, — что в женщине нет ничего пошлее терпения и самоотречения, и Данилов с Александром Сергеевичем поспорил бы лишь по поводу резкости суждения. Но сейчас Данилов почувствовал себя чуть ли не обиженным. Отчего же в сию минуту Наташи не было рядом?

Зазвонил телефон:

— Здравствуйте, это Валентин Сергеевич.

— Какой Валентин Сергеевич? — спросил Данилов и тут же понял, что растерянностью выдает свою слабость.

— Вот вы и сообразили, какой именно.

— Здравствуйте, — сказал Данилов. — Чем обязан?

— Именно мне вы ничем не обязаны... Так, если одной мелочью... Да что о ней говорить... И сейчас-то я вам звоню вовсе не по Делу... Дело-то у вас впереди... Ох, и большое!.. Я так... И для собственного успокоения. И для того, чтобы вас из некоего пагубного заблуждения вывести... Мне бы и звонить не следовало, настолько это разговор частный, я и нагоняй, возможно, получу, но вот уж не утерпел...

— Говорите, — сказал Данилов.

— Ведь вы теперь торжествуете...

— С чего бы?

— Торжествуете! Этак сыграли! И потому еще торжествуете, что вам кажется, будто вы сыграли вчера как обычный житель Земли.

Будто вы не воспользовались никакими нашими возможностями. Действительно, вы пластинку браслета не сдвигали. Ну и что? Что изменилось-то? Ведь вы сами должны понять — вы весь были вчера в музыке! Весь Данилов! И тот, что существует на Земле как бы человеком, и тот, что является демоном на договоре. Вся ваша натура вчера звучала, и с историей своей, и с опытом житейским. Где уж тут на равных-то!

— У вас все? — спросил Данилов.

— Конечно, я личность мелкая... — захихикал Валентин Сергеевич, — да и не мое это дело соваться в вашу музыку... Но вот не утерпел... Слова мои вы можете посчитать пустыми: мол, он из неприязни или от зависти...

— Вы бы лучше инструмент вернули, — сказал Данилов.

— Какой инструмент?

— Ворованный. Альбани.

— Какой Альбани! Нет у нас никаких Альбани! — взвизгнул Валентин Сергеевич. — В милицию обращайтесь! В милицию! Какие еще Альбани!

И неожиданный, чуть ли не базарный визг Валентина Сергеевича сменился короткими гудками с неким присвистом.

Все возвращалось. Стало быть, никуда не исчезал старательный порученец Валентин Сергеевич, доставивший Данилову лаковую повестку с багровыми знаками. Стало быть, лишь на короткий срок, неизвестно с какими целями, оставили его, Данилова, в покое, а теперь напомнили ему о том, кто он есть и что

его ждет. Отчаяние забрало Данилова. Как все некстати, сокрушался он. Впрочем, а когда было бы это кстати? Но теперь-то Данилову казалось, что месяца два назад он бы легче перенес назначение ему времени "Ч". Да что говорить...

Все же вскоре Данилов стал уговаривать себя не хныкать и не отчаиваться, а жить дальше хоть час, хоть день, вдруг все и обойдется. Ему теперь казалось, что Валентин Сергеевич не слишком нахально или даже не слишком уверенно вел себя, раз обратился к нему не особенным и не ярким способом, а с помощью городской телефонной сети. Конечно, это не имело никакого значения, но Данилов все же пытался отыскать в самом факте именно звонка некий смысл. "А может, это и в самом деле, — думал Данилов, — частный звонок? Не утерпел Валентин Сергеевич, вот и выговорился". Как бы то ни было, но Валентин Сергеевич, эта тварь мелкая, был приставлен именно к нему.

"Но что он лезет ко мне с музыкой? — обиделся вдруг на Валентина Сергеевича Данилов. — Какое его собачье дело!" Мысли о времени "Ч" сразу рассеялись. Данилова стали мучить сомнения: а вдруг Валентин Сергеевич прав? Вдруг и верно, вопреки своим упованиям и постановлениям, он, Данилов, оказался в музыке с людьми не на равных?

Однако, поразмыслив, Данилов склонился к тому, что прежней договоренности с самим собой он вчера не нарушил. Да, наверное, его способности, его нынешнее умение и понимание

музыки были в явной связи с его жизнью, его судьбой, с тем, что он перечувствовал, что открыл для себя и в себе. Но ведь и у любого земного любителя или профессионала существует подобная связь. К тому же на свете встречались люди с куда более сложной судьбой. С куда более богатыми возможностями, нежели были у Данилова. Тут они могли дать ему сто очков вперед. А если разобраться всерьез, музыкальные способности, какие Данилов получил при рождении, совсем не сделали его на Земле вундеркиндом. Предки Данилова по отцовской линии к музыке относились без интереса. Уж если и оказался младенец Данилов при слухе, то из-за матери. Женщины земной. И позже, на Земле, он сам, без помощи всяких чужих сил, воспитывал в себе музыканта. Тут Валентин Сергеевич может и помолчать. С людьми Данилов в музыке не шутил и своей вчерашней игрой не ввел их в заблуждение. Значит, занятия музыкой ему не стоит бросать. Вот про Альбани он, наверное, зря вспомнил в разговоре с Валентином Сергеевичем. Требовать у жулика ворованный инструмент было делом пустым и жалким. Но, может, и вправду не было у Валентина Сергеевича Альбани, а следовало напомнить об инструменте милиции? Да что напоминать! Ведь на днях Данилова вызывали в милицию к старшему лейтенанту Несынову, а он не пошел. Сегодня же надо было идти!

Однако Данилов не пошел в милицию.

Все ему стало безразлично. От всего хотелось отдохнуть. От музыки — в первую очередь. Пошла бы она куда подальше! О звуках, об инструменте, о нотах, о необходимости сидения в яме Данилов думал с остервенением. Бросить сейчас бы все и удалиться куда-нибудь в охотничью избушку в Туруханской тайге или в саклю в горах Дагестана, и чтобы вокруг все было завалено снегом, и бил в крохотное оконце ветер, и выли волки, а он, Данилов, лежал бы один и пальцами бы не шевелил. Год лежал бы или два, а что потом бы стал делать, даже об этом и не думал бы. При этом Данилов не отрицал возможность присутствия рядом с ним в сакле Наташи. Но никаких особенных видений, связанных с Наташей, у Данилова не возникало. Наташа могла лишь молча сидеть возле него, и все. Возможно, потом Данилов и не вернулся бы к музыке, а начал бы новую жизнь, какую — неизвестно. Уж там бы, в сакле или в охотничьей избе, впал бы он в некие тихие раздумья, а может быть, даже и в философское состояние, пока ему, Данилову, чуждое, и многое понял бы. И уж наверное, с белых вершин тишины и покоя, вся его нынешняя жизнь, и музыка естественно, показались бы такой мелкой суетой, такой секундной бессмысленностью, что Данилов захотел бы закрыть глаза. Да что с тех вершин! Данилов и теперь ощущал эту суету и бессмысленность. Надо же, возрадовался! В свои-то тридцать пять лет — вылез на сцену солистом, сыграл, пусть и

неплохо, ну и что? Дальше-то что? Дальше? Впрочем, какой смысл было думать о будущем, коли позвонил Валентин Сергеевич.

Данилов сидел разбитый. Мучением было теперь для него думать о том, что он когда-либо опять возьмет инструмент в руки. Однако взял альт и отправился в театр. Отыграл и дневной и вечерний спектакли. Когда играл, уже и не вспомнил об утренних грезах относительно сакли и туруханской избы.

Коллеги Данилова не говорили о вчерашнем концерте. Да и откуда они могли знать о событиях культурной жизни медицинских работников! Впрочем, виолончелист Туруканов в последнем антракте поинтересовался, хорошо ли платят медики, и был чуть ли не расстроен, узнав, что Данилов, как и оркестранты, играл задаром.

— Ну, Данилов, — покачал головой Туруканов, — вы же не мальчик...

— Не мальчик, — согласился Данилов.

— Ну вот, — добавил Туруканов, — а эти доктора, особенно зубные, деньги вилами гребут...

После спектакля Данилов запер инструмент в несгораемом шкафу: дома Данилову альт не был нужен.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

18

Затрубил охотничий рог. "Женихов"-претендентов приглашали в гостиную.

Но отчего выбрали охотничий рог? "Их дело, - сказал себе Шеврикука. - Рог и рог". Уговорив себя не раздражаться и не ехидничать по поводу несовершенства церемонии, тем более что никто не поручал ему вести камер-фурьерский журнал, — да и где теперь дремлют камер-фурьерские журналы, в каких архивах, — Шеврикука отправился в гостиную Тутомлиных. Тут ему стало обидно за Москву. Отчасти - за Гликерию. "Декорации и бутафория - заключил он. - С кем связался Дударев? Со скрягами или о бездоленными?" Суждение это, отнюдь не

бесспорное, было вызвано прежде всего четырьмя панно, на которые, правда, не пожалели ни холстов, ни красок. Высокие и протяженные панно, приставленные к стенам гостиной, должны были, по всей вероятности, без слов воздействовать на чувства и воображение претендентов. Конечно, не таким был дом Тутумлиных до лета семнадцатого года. Да, нынче в доме запустение. Но не разруха. Здесь гордая нищета, но и надежды благородных стен. Панно же столичных художников, чья цена уже определена аукционом "Сотби" в тысячах фунтов стерлингов, должны показать, что на Покровке было и что несомненно будет. "Вот дом Тутумлиных во всей его красе после перестройки учеником Матвея Казакова в конце восемнадцатого столетия, - разъяснял Дударев. - А это вид на Покровку с нашим домом и чудом нарышкинского барокко, незабвенной церковью Успения в легком прогибе улицы. А это - интерьер нашей с вами гостиной в пору процветания Тутумлиных. Мраморы, позолота, хрустали, уральские камни, фигурный паркет из Италии, прекрасные потолки, верхние окна, все, все должно возродиться. При счастливых обстоятельствах. А это - один из здешних дворцов, он - там, за углом Армянского переулка..." Надо сказать, что четвертое панно было представлено Дударевым сдержанно, с заметной потерей энергии в голосе и даже с долей смущения. "А что за пухлый мужичок в

очках у дома за углом? - поинтересовался бестактный латиноамериканец, естественно коверкая туземные слова. - Это граф Тутомлин?" "Как же! - подумал Шеврикука. - В лучшем случае это Козьма Прутков. А так, может, и купец Иголкин". Действительно, на четвертом панно перед дворцом скромно, даже просительно стоял мужчина в очках. "Это Тютчев, - сказал Дударев. - Это поэт Тютчев. Это он пришел к князю Гагарину. Гагарины - наши соседи. Их дворец от нас - метрах в двухстах. И на карете не надо ездить. Хотя и ездили. Адрес легко было перепутать. И теперь перепутали. Дали художнику не тот дворец. И не страшно. Префектура - одна. И Тютчев, хотя и чаще бывал у Гагариных, несомненно, заходил и к Тутомлиным..."

Сейчас же возрос над столом полпрефекта Кубаринов и поднял вверх некий металлический предмет, украшенный камнями, — возможно, жезл, а может, и какую иную столичную реликвию. Не только замолк Дударев, но и началось действие. Началась стрельба.

Испорченный бытом и служебными стараниями, Шеврикука подумал сразу, что стали рваться газовые баллоны. Но нет, баллоны должны были бы издавать иной звук. Да и не держали в доме ни баллонов, ни газовых колонок. Стрельбу во дворе вела артиллерия, и это был салют.

Двадцать один раз вскидывал Кубаринов взблескивающий камнями (или стразами?)

жезл. Позже Шеврикука разузнал, что салют производили из минометов. Привычнее было бы иметь для торжественной церемонии зенитные орудия, но договориться со службами ПВО не удалось, а минометы подвернулись. После выяснений интересов с коммерсантами энской воинской части минометы с персоналом были введены на Покровку, во временное пользование. Кубаринов просил салютовать холостыми минами, но чтоб погромче. "У нас нет холостых, - было сказано. - Но коли будет какая любезность, то, пожалуйста, ни одна мина не разорвется в вашей префектуре, а эксклюзивно для вас - за ее пределами..." Эти обещания успокоили Кубаринова, и он распорядился выдать воинам четыре ящика тайландских гуманитарных презервативов многоцелевого назначения. И точно, все приветственные мины полетели в чужие префектуры, к тому же иные из них подхватил ветер, дувший с северо-запада, и они разорвались вовсе во Владимирском государстве, вызвав воспаление и пожары мещерских торфяников. Кстати, минометы с персоналом утром назад никто не потребовал, и они потом были якобы приобретены чукотскими охотниками на моржей и отправлены куда следует. Якобы и на нартах с собачьими упряжками. Впрочем, это Шеврикуку уже не интересовало.

После салюта был произведен тост с намеками на международное доброжелательство. И только рюмки опустились на белые скатерти, в

черных проемах окон, отчасти заслоненных панно, увиделись то ли сполохи, то ли разводы северного сияния, то ли вспышки великанских бенгальских огней, и при этом треск за окнами стоял неимоверный. "Шутихи! Шутихи! - шепотом потекло за столами. - Русские шутихи!" "Салют, шутихи, вечерние наряды Дударова, соблюдения этикета или услужителей, охотничий рог, - подумал Шеврикука. - Это и есть, что ли, - на уровне Екатерины в Кускове? Хорошо хоть Кубаринов не назначил себе исторический костюм..."

Полпрефекта Кубаринов и гости пребывали в двадцатом столетии, а услужители и Дударев, днем ходивший во фраке, скорее всего, в конце восемнадцатого. Почти все гости (среди них имелись и четыре деловые дамы) учли требования вечернего приема, и лишь двое из них явились в легких свитерах и спортивных куртках. Надо полагать, это были американцы, и очень богатые. В Кубаринове все тоже соответствовало вечерней церемонии. Кубаринов был высок, строен, умел красиво носить костюмы, вид имел гордый, неподкупный и отчасти суровый. Любой, забывший о чести, взглянув на Кубаринова, обязан был затрепетать, утратить иллюзии, осознать, кому он, подлый человек, вознамерился предложить сделку, вспомнить о Страшном суде и только тогда отправиться в соседнюю префектуру за счастьем. Вот такие мысли способен был внушить Кубаринов.

Вечерней униформой атлетов-услужителей стали екатерининские парики, красные кафтаны кармазинного сукна, голубые камзолы, короткие нанковые панталоны, серые чулки и толстые башмаки с высокими каблуками. Какими глазами глядели на наших молодцов четыре деловые дамы! И латиноамериканец тоже. Отправь их на двести с лишним лет назад в Царское Село, одень каждого кавалергардом да расположи их по местам прогулок императрицы: хватило бы у нее потом сил и энергии для потушения пугачевского пожара? Не знаю, судить не смею.

Шеврикука против атлетов-услужителей ничего не имел, но в костюмах их его нечто смущало. Или раздражало. А вечерний Дударев поначалу вызвал иронию Шеврикуки. Потом он привык к Дудареву, — живописен был Дударев, живописен, ничего не скажешь. Костюм ему выдали (или он сам его выбрал) влиятельного или богатого человека. Светло-серый кафтан с кружевным воротником и кружевными же отворотами рукавов, светло-серые штаны, заправленные в роскошные, выше колен, сапоги со шпорами. На перевязи слева - шпага. И опять же роскошная шляпа с пучком белых перьев, каких - Шеврикука определить не мог. Шляпу Дударев держал в правой руке и, когда следовало, производил ею изящные движения. Расчесанные темные локоны его парика отменно сочетались с уже известными усами. Префекты заводились в Москве не первый раз, и Шеврикуке пришли на ум слова из одного

прежнего уложения, о котором он не собирался помнить. По тому уложению префект (полпрефекта тем более) должен был быть не вельми свирепый и не меланхолик, но тщательный в деле. Кубаринов выглядел теперь, несомненно, тщательным в деле. Дударев же был игрив в деле. И как бы упоительно легкомыслен. Но и такой нравился. Передвижения Дударева вблизи столов были артистичны, а реплики его, разбрасываемые там и тут, способствовали всеобщему благодушию и сытости. Но когда Дударев назвал восемнадцатый век ключевым в истории дома на Покровке, Шеврикука как бы спохватился: "Но при чем тут восемнадцатый век? Это ведь не восемнадцатый век! И это не Петербург и не Москва! Это ведь Франция какая-нибудь!" Он имел в виду костюм Дударева. Костюмы такие носили лет за сто пятьдесят до Екатерины, и если во Франции, то при каком-нибудь Ришелье. Не иначе наряд этот добыт, соображал Шеврикука, в театре, в костюмерном цехе! Не иначе! (Шеврикука не ошибся. Он взбудоражился, не мог не проверить догадку и через три дня выяснил, что костюм, преобразивший Дударева, был пошит мастерицами Малого театра для актера А. Голобородько, исполнявшего роль герцога де Гиша, негодяя и погубителя Сирано де Бержерака.) Утвердившись в своей догадке, Шеврикука стал внимательнее рассматривать костюмы услужителей и в них обнаружил

несоответствия и безобразия. Да что говорить, якобы золоченые якобы пуговицы были нарисованы акриловыми красками прямо по сукну. Да и кармазинное сукно это наверняка было крашеной мешковиной. Или солдатским бельем.

А что выставили на столы? Было ли на них фамильное (ну пусть и не фамильное) золото и серебро? Нет. Ни одна и малюсенькая серебряная ложка не присутствовала. Возвышались ли среди горячего и холодного золотые, серебряные, коралловые сосуды? Нет, не возвышались. И стало быть, некуда было наливать францвейны, русские ставленные и сыпучие меды, ягодные квасы и сбитни. Резвилась ли приветливо в хрустальном бассейне свияжская стерлядь? Нет, не резвилась. Гремел ли оркестр роговой музыки, ублажали ли слух певчие, плясали цыгане? Увы, увы. Ожидалась ли вообще азиатская расточительная роскошь, свойственная московским открытым барским домам? Вряд ли ожидалась. А что висело над столом? Может быть, висела на цепях, обернутых гарусом и усыпанных медными золочеными яблоками, большая люстра-паникадило? Отнюдь нет. стыдно сказать, но, наверное, на днях, а то и вчера в спешке провели времянку и на ней укрепили доступный обывателю с умеренными доходами светильник о семи рожках. Да кое-где поместили декоративные жирандоли. А вместо оркестра и цыган музыкальную стихию

праздника создавали три черных человека с унылыми лицами - надо полагать, из крепостных. Один - со скрипкой, один - с виолончелью, третий - при флейте. На столе, конечно, кое-что имелось. И горячее, и холодное, и жидкое. По нынешним временам это дорого стоило. Или ничего не стоило... Ну и что? Ему-то что? Все идет, как идет. Ему-то какое дело! Он прибыл сюда развлечься, поглазеть и полюбопытствовать. И все. Он не платил за вход и всем должен быть доволен. Что он ворчит! Или у него не отходит желчь? Из гостей никто не ворчал. И кривоватый шнур светильника их скорее умилил, нежели рассмешил. А уж скрипка, виолончель и флейта тихо растрогали очарованных странников.

Вот и уже многие тосты были произнесены в поддержку новых веяний и столбовых дорог. Вот уже и полпрефекта Кубаринов отяжелел, но все же не переставал пережевывать что-то. И будто обещал каждому нечто хорошее и недвижимое. Иногда он говорил с долей меланхолии: "Да. Все мы легитимитчики". И тыкал вилкой в иностранную шпроту. "Экие они теперь худые стали..." А Дударев порхал от собеседника к собеседнику. К нему и тянулись. После того как все скушали по куску свиного бока на углях, в гостиную были внесены три карточных столика и скромно поставлены возле панно с храмом Успения на Покровке. В барских домах за такими столиками играли в ломбер, бостон, пикет, крибедж зазорные дамы - часто и

на бриллианты. "Небось с "Мосфильма", - предположил Шеврикука.

- Знали бы вы, какие люди сидели за этими столами! - с пафосом произнес Дударев. - Какие личности за века являлись в ваш дом! Хотя бы и на полчаса. Какие личности здесь квартировали! Какие личности здесь проживали хозяевами! Могли ли совсем покинуть этот дом их тени и духи? Не верю! Не верю!

Проспекты с поэтажными чертежами здания были розданы гостям, Дударев посоветовал иметь их перед глазами. "Вот, скажем, обратимся к помещению под номером двадцать семь. Все нашли? Здесь держал свою библиотеку Сергей Васильевич Тутомлин. Он считал себя виноватым перед убиенными на эшафотах женщинами и собирал все, что было сочинено и издано о них, — в частности, о Марии Стюарт и Марии Антуанетте. Другого такого собрания не было в Европе. Там имелись даже записки ювелиров Бремеров с раскрашенными рисунками и судебными документами по поводу имевшего приключения ожерелья французской королевы. В соседних комнатах стояли кресла Марии Антуанетты и мебель герцога Орлеанского, там же хранилась коллекция драгоценных табакерок, тростей и палок разных королей и прочих исторических особ. Этот богач Сергей Васильевич, выйдя в отставку, позволил себе в Париже вместе с приятелем князем Лобановым-Ростовским взять в аренду парк Фонтенбло, возить туда на пиры

актеров на тройках в русской упряжи, а потом еще и основал в Париже яхт-клуб.

Или возьмем помещение под номером двенадцать, это ближе к северному флигелю. Другой Тутомлин, Платон Андреевич, отплававший навигатор, летом - садовод и патриот картофеля, устроил при камине в помещении под номером двенадцать первый в Москве инкубатор на пятьсот цыплят, и они с удовольствием вылуплялись из яиц и в морозные дни. Дело и нынче небесполезное. Или отправимся в другой угол здания. Берем сразу помещения под номерами тридцать девять - сорок три. Был в доме мрачный период, когда хозяйничал в нем миллионщик Бушмелев, сибирский и окский заводчик, женатый на одной из графинь Тутомлиных. Это был деспот, душегуб и синяя борода. Графиню он затравил. Сыновей он пережил, изломав им судьбы. Сам же умер чуть ли не столетним. Но в доме уже был приживалом, безумным и нечистоплотным. И если верить преданию, был до смерти заеден насекомыми. Полагали, что и дух его изъеден, не имел сил и позволения покинуть здешние стены. Правда, за двести лет ни разу и никак себя не проявил. (При словах о насекомых Шеврикука незамедлительно убрался в безопасную местность.) Но до того, как быть заеденным, этот Афанасий Макарович Бушмелев сам многих заел. Держал на всякий случай разбойников в муромских лесах, невдалеке от окских заводов. Мог не только

своих работников в назидание другим сбросить в колодец или уморить голодом. Были доступны извергу и дворяне. В особенности мужья приглянувшихся красавиц, не пожелавшие предоставить жен для удовольствия Афанасия Макаровича. Одного из них Бушмелев погубил, огнем уничтожив его усадьбу. Другого заманил на завод, а там приказал швырнуть несговорчивого в доменную печь. И жил безнаказанно. В помещения под номерами тридцать девять - сорок три доставлялись Афанасию Макаровичу местные женщины, иные и сами рвались туда, — что-что, а необузданные страсти Москве всегда были свойственны. - Тут в интонациях Дударева явно выявилась гордость. - Кстати, Бушмелев располагал двумя спальнями - обыкновенной и парадной, в той стены были обиты красным штофом, и с двух портретов наблюдали за происходящим император и императрица. Опять же если верить преданиям, при Бушмелеве и замуровывали, кого и где - неизвестно. Однажды в доме производили ремонт. И тогда якобы плотники обнаружили в парадной спальне потайную дверь, а за ней потайной ход, а потом и подвал, а в нем - кости и черепа. Правда, вскоре пропали плотники, пропала и потайная дверь. Уже в наши дни исследователи, дотошные, надо сказать, договорившись с криминалистами и получив на Петровке чуткие аппараты, пробовали отыскать тайники и замурованных пленников, но, увы, не отыскали.

Приводили и собак, ученые собаки лаяли, скулили, отказывались от угощений и тоже ничего не отыскиали.

Опечалившихся или даже помрачневших гостей Дударев принялся успокаивать. Конечно, были среди обитателей дома черные натуры, изверги и грешники, но не все же из них позволяли себе швырять соперников в расплавленный чугун. Конечно, не все. При этом нельзя не заметить, что мрачные готические драмы всегда придавали историческим зданиям особый шарм. Или даже особую цену. Но это так, мимоходом. А куда больше проживало здесь людей воспитанных и приличных. И весельчаков. И простодушных весельчаков. И весельчаков-проказников. Весельчаков-повес. Вот, скажем, вспомним Константина Петровича Тутомлина, племянника уже упомянутого графа Сергея Васильевича, да, да, того самого, что брал в аренду Фонтенбло. Этот Константин Петрович и веселил и сердил публику. Что ни день - то дуэль или ожидание ее. Ходил вечно с зашнурованным рукавом мундира или сюртука, все лицо в шрамах. Оттого был особенно приятен дамам. Но злобы и высокомерия в себе не носил, а просто был весело-бесстыжим. Проказы же любил рискованные и чаще всего - напоказ, с намерением доставить удовольствие приятелям, таким же, как он, шалунам. Уж как некорыстно было шутить с императором Павлом, а он шутил. Хрестоматийный случай из практики отечественных повес (сыновья иных

из них затевали потом декабрьский бунт). Однажды Константин Петрович, а он был в карауле во дворце и оказался в обед дежурным за столом, дернул государя императора за косу, да так, что Павел вскрикнул от боли и, естественно, разгневался. Наш шутник объяснил свой поступок верностью уставу и стараниями в связи с несовершенствами в его исполнении, коса императора якобы лежала криво и нуждалась в выпрямлении. Император, подумав, одобрил педанта, но попросил в другой раз создавать прямую линию осторожнее. Но в другой раз Константин Петрович держал пари по иному поводу. Теперь он пообещал понюхать табак из табакерки императора. Опять дежурил во дворце. Утром подошел к кровати спавшего Павла, взял его табакерку и зафыркал со вкусом, пригласив государя проснуться. Опять гнев, опять недоумения. Константин Петрович сказал, что вдохнуть табак ему необходимо, дабы после восьми часов бдений отогнать сон: "Я полагаю, лучше провиниться перед этикетом, чем перед служебной обязанностью". Павел заключил: "Ты совершенно прав, но как эта табакерка мала для двух, то возьми ее себе". Из слов Дударева выходило, что табакерка с бриллиантами - призывного пострела - долго хранилась в доме на Покровке и лишь зимой восемнадцатого года была выменена на полпуда перловой крупы и что сам император однажды посетил усадьбу Тутомлиных. "Это наш северный Дон Кихот или,

как считали другие, бедный петербургский Гамлет, - стал просвещать Дударев иностранных невежд. - С очень хорошими задатками и намерениями, но до обидного неуравновешенный и взбалмошный политик. Комплексы детства, тяжелых снов, предчувствий и прочее..."

У Шеврикуки стали дергаться временные тараканы усы. Он слышал и про косу, и про табакерку. Но в истории с косой действующим лицом называли одного из князей Голицыных. Впрочем, вспомнил Шеврикука, выпрямление косы императора приписывали и еще одному беспечному шутнику - пензенскому дворянину и ехидному стихотворцу Копьеву. Где двое при одном подвиге, там возможны и еще десять героев. Среди них и наш Тутомлин. Хотя порой Шеврикуке казалось, что Дударев или привирает, или путает. Да что казалось! Ясно было. В Тутомлиных или в обитателей дома превращались совершенно посторонние люди, или же этих обитателей Дударев одаривал чужими поступками, мыслями, судьбами или свойствами. Либо же Дударев был просто неосведомленным человеком и фантазировал теперь сгоряча о персонажах, подсказанных ему начитанными людьми. Либо он все же знал кое-что, но имел целью продать товар и суетился приказчиком-искусителем. "Но уж больно он искательный - нет в нем истинной московской степенности, - подумал Шеврикука. - Но где теперь в Москве степенность? У кого?" А

Шеврикука ценил степенность и полагал, что настоящие москвичи рождаются степенными и тяжелыми на подъем. Но был ли сам он когда-либо степенным?

А Дударев уже рассказывал о лабиринте еще одного Тутомлина - графа Федора. Этот, по воспитанию - англичанин, хоть и дослужился позже до чина полковника, долго оставался совершенным шалопаем. Кто только не являлся в ту пору в наш дом, — нередко и крикливые гуляки, и отпетые проходимцы. Ну и конечно, кредиторы. Однажды граф Федор раздосадовался и додумался. Примерно вот здесь, прошу снова взять в руки проспект и обратить взгляд на помещения номер девяносто два - девяносто три, в подвалах под ними, он устроил, по легенде, лабиринт-укрытие. Лабиринт как будто бы и не малый. Секреты его ходов и, естественно, выходов знал лишь чертежник и устроитель граф Федор. Якобы где-то в углу лабиринта граф имел кабинет своего одиночества с библиотекой и коллекцией восточных диковин. Когда приходили в дом неприятные посетители и уж тем паче требователи долгов или печальные надоеды из суда, граф Федор исчезал в лабиринте, курил кальян и, отгоняя сплин с мигренью, рассматривал восточные диковины. Но опять, увы, увы, — расстроил слушателей Дударев, — есть легенда и нет лабиринта. Возможно, его и вовсе не было.

"Как же, не было! - обрадовался Шеврикука. - Был! Он и теперь есть!" Тотчас же Шеврикука оборвал себя, мало ли, вдруг мысли его были кому-то интересны, а из мыслей этих можно было вызнать о сегодняшних открытиях Шеврикуки. А ведь не исключено, что он наткнулся и на убежище графа Федора. Но - тсс-с об этом!

Дударев все же не отвергал совсем легенду о лабиринте. Тем более что у приятеля графа Федора, Петра Разумовского, тоже умевшего жить азартно, неразумно, но весело, хитрый лабиринт в Одессе доподлинно был. Вдруг обнаружится и лабиринт графа Федора. Но чем хуже лабиринта, скажем, графиня Ольга Константиновна? Однажды, было дело, она привезла из Вены четыреста восемьдесят платьев. Но тогда она была еще сорокалетняя красавица. А вот накануне коронации Александра Второго, позже Освободителя, она, чтобы не опечалиться и соответствовать себе и случаю - при европейском-то бездорожье! - в несколько дней съездила в Париж и привезла к торжеству приличные туалеты. А было ей восемьдесят семь лет.

Одной из ее примечательных ровесниц слыла Екатерина Мосальская, известная в Москве и других столицах как полуночная княгиня, или принцесса Ноктюрн. Той серьезные гадалки пообещали смерть ночью, во время сна, и она в темную пору более не спала, а проводила у себя или в гостях бурные ночи, —

конечно, в оживленной компании, конечно, с литературными и философскими беседами, с чтением мадригалов и музицированием. Обратите внимание на помещения под номерами тридцать два и тридцать четыре: там, случилось, по ночам блистала остроумием и нарядами бросившаяся в бега от судьбы Принцесса Ноктюрн. Кто только не был в доме! Все, похоже, были. И Наполеон? Вы спрашиваете: "И Наполеон?" Нет, Наполеон в двенадцатом году наш дом, увы, не посетил. Маршал Мюрат в поисках фуража здесь был, а Наполеон - нет. Совсем было уже подъехал сюда, но у него на Мясницкой сломался возок. Зато не раз кареты привозили на Покровку божественную мадемуазель Жорж, чья декламация покорила театралов Петербурга и Москвы. Этой мадемуазель Наполеон, говорили, оказывал в часы досуга любовные услуги, и в доме Тутумлиных хранилось короткое, но сострадательное послание корсиканского забияки, написанное им в дыму пожара. Не доехал возок, сломался, это случается, но вы не подумайте, что возле дома Тутумлиных припарковывались экипажи менее дорогие, нежели сегодняшние лимузины наших бесценных гостей. Всегда находились любители роскошных выездов, щегольских средств передвижения, в Риме - колесниц, в свободной стране Махно - тачанок. И как же Москва без щеголей? Один из здешних состоятельных любителей заказал в Лондоне карету за

восемьдесят тысяч рублей золотом, но, опробовав ее при доставке из страны-производителя, посчитал слишком грузной и отправил на покой. А иные же модники подъезжали на Покровку в экипажах с золотыми колесами, кучеров своих обряжали в кафтаны с бриллиантовыми пуговицами; на одну такую кучерскую пуговицу, наверное, можно было бы теперь приобрести не худший автомобиль... - тут Дударев обвел взглядом гостей и проявил деликатность... - северокорейского производства. Толстосум швед фыркнул, а японец произнес басом: "Пожалуйста! Да! Пожалуйста!"

А бестактный латиноамериканец пристал к Дудареву с интересом к личности Григория Ефимовича Распутина. Опять коверкал натуральные московские слова, острый голос его драл уши, как напильник. Рачительный Дударев одарил латиноамериканца и Распутиным. "Был Распутин! И Распутин был! Но недолго. Взял две простыни и ушел в баню". И Блок Александр Александрович был. С Менделеевой. Тот обедал. Особенно нравились Любове Дмитриевне уха с ушками-кондюбками. Вторую порцию ей моментально приносили вон через ту дверь. Пар валил. "Возле кухни, нам сказали, - опять встрял латиноамериканец, - был ход в подвалы времен Ивана Грозного". "Его заложили. Там масоны..." - отчего-то засмущался и заспешил Дударев. Оказывается, были тут и масоны, короткий срок, ну их к лешему. И

Николай Иванович Новиков, еще не отправленный в крепость, похожий на пастора, заходил к хозяевам в гороховом сюртуке и с магической палкой. Ну и ее к лешему! И Чаадаев бывал, а как же. Впрочем, может быть, эти имена, как глубоко местные, и незнакомы почтенной публике. Заводились в доме и чернокнижники. И знатоки Зодиака, прошедшие обучение в Сухаревской башне у главного тайновидца Якова Вилимовича Брюса. И граф Калиостро, будучи с секретной миссией в Москве, именно в этой гостиной давал однажды сеанс страшных чудес с электрическими искрами и мгновенным отрастанием волос на голой голове камергера Войцеховского. И дальше предъявлялись собеседникам личности, имевшие отношение к дому на Покровке. Карлы и карлицы. Воспитанницы из калмычек. Шуты-дураки и шуты, валявшие дурака, сами же резавшие правду-матку. Крепостные актеры, на которых с завистью посматривали и Шереметевы, и граф Каменский. Бомбометатели из эсеров. Борис Савинков, две ночи в восемнадцатом году прятавшийся на чердаке от чека. Гетман Мазепа. Да, и Мазепа. Ему метрах в трехстах отсюда в Колпачном переулке отвели резиденцию, прекрасные палаты, они и теперь стоят, можете пройтись, в них шарашат сувениры а-ля рюсс, покупать их убедительно не советуем. Гетман и в возрасте был хорош, любил всяческие приключения, уроки светской охоты получил в Польше вблизи ножек

ясновельможных пани и, дважды являясь в Москву, — как-то за орденом, как-то для беседы с Петром, — естественно, не мог не заглянуть в дом, всегда славный своими красавицами. Однако кончил этот авантюрист плохо - проиграл, бежал, конечно, в Бендеры. Там умер, там лежит и теперь. Что же касается золота, называемого нынче бочонком полковника Полуботка и разыскиваемого киевской казной в английских хранилищах, то Мазепа его с собой не возил и тем более, даже пусть и будучи кем-то очарованным или в волнении, не оставлял его на Покровке. В этом нет никаких сомнений. И те, кто связывает свои интересы к дому с золотом Полуботка, трагедийно заблуждаются, им следует искать удачи в иных местах и префектурах.

Последние слова Дударева вышли, пожалуй, не слишком вежливыми. Обеспокоенно заерзал Кубаринов, заявление Дударева показалось ему нелестным для префектуры: выходило, будто в ней чего-то не хватало для искателей удачи. Полпрефекта встал, но произнес нечто невнятное. Толмачи из числа наряженных услужителей переводили его текст долго.

- Бонапарта подвел возок, - вяло и словно бы самому себе, но все услышали, сказал гость в свитере, — хотелось верить, филадельфийский миллионер. - Мазепа не захватил бочонок Полуботка. И умер не здесь, а в Бендерах. Можно подумать, что и привидение в доме лишь собиралось завестись, но не завелось.

- В доме было привидение, - резко сказал Дударев.

- И оно есть.

- И не одно. У нас этих привидений... - широко, по-державному развел руки полпрефекта, он был сейчас барин и желал всех приветить и одарить.

- Здесь столько теней и душ, загубленных и загубивших, столько... Вот можно подать хотя бы этого... который швырял в домну... Бушмелев. Да, Бушмелев. Пусть он покажется. Что он залеживается?

- Иные готовы всю нефть выкачать из недр. Бушмелев за два века никак не проявил себя. Ни запахом, ни стонами, ни действием. Его время не пришло. Сегодня у нас одно привидение, - Дударев был тверд. - По всей вероятности, женское... И я вас не понимаю, Вадим Александрович. У нас теперь рынок. Коммерция требует прилежания...

- Ах, да, да, да! Рынок! - спохватился Кубаринов. И объявил, став уже строгим барином: - Сегодня у нас одно привидение.

- Давайте хоть одно! - потребовал толстосум швед.

- Да! Пожалуйста! - поддержал его японец. - Привидение!

Дударев, обращаясь к толстосуму шведу, японцу и филадельфийцу в свитере, выкинув вперед руку с герцогской шляпой, высказал мнение, что было бы дурно подавать привидение к столу. К тому же привидению не

прикажешь. Оно само по себе и обладает свободой выбора. Можно только надеяться, что оно появится добровольно, ощутит безвредно-бескорыстный интерес к себе и ответит на него своей энергией. А выходы Покровского привидения, по преданиям и долголетним свидетельствам, происходят в приемлемую для него пору.

- Привидение! - заорал толстосум швед.

- Да. Пожалуйста! - обрадовался японец. - Северные территории. Привидение. Пожалуйста!

- Привидение! С мороженым! - напильником по ушам провел бестактный латиноамериканец.

- У Бонапарта на Мясницкой сломался возок, - вежливо напомнил филадельфийский мультимиллионер.

- У нашего привидения, - гордо сказал Дударев, - нет никакой необходимости добираться сюда в возке.

"Блефует? - подумал Шеврикука. - Или и впрямь смогли выйти на Гликерию, улестить ее или заставить? Этого еще не хватало!"

Осадив, как ему показалось, бузотеров, Дударев опять стал навязывать публике исторические сюжеты, теперь уже, от нашего столетия, с энтузиастскими и вампирными историями тридцатых, сороковых и прочих годов. Вплелись в его рассказ революционеры, сыщики, председатели домкомов, сочинители мокрых доносов, какой-то почтенный железнодорожник, стилиаги, простодушные валютчики, уплотнения жилплощади, октябрины

младенцев, провинциальные всплески дальней сексуальной революции. "Привидение!" - опять заорали неугомонившиеся. "Пожалуйста!" - теперь уже с угрозой потребовал японец. Требовал без всякого акцента, басил, и, не видя его, можно было подумать, что это требует и не японец, а сибирский мужик.

Дударев все еще бормотал что-то о необходимости дожидаться момента сгущения полей и энергий, о том, что непременно надо выслушать прибереженную им напоследок историю привидения. Да и не одну эту историю. А несколько историй здешних красавиц с умопомрачительными поворотами судеб, с каскадами страстей и драм. "Не надо! Не надо историй! Подавайте привидение, и сейчас же!" "Да что они, угорели, что ли? - недоумевал Шеврикука. - Да и чем привидение замечательнее, скажем, домового Пелагеича?" А уж и самые тихие дотоле гости кричали и топали ногами, требуя привидения, и сейчас же!

- Оно здесь не выйдет! - убеждал Дударев. - Оно здесь не выйдет! Оно не является в гостиной! Оно лишь внизу! Оно при свечах..."

- Вниз! В подвалы! В подземелья! - нервно вскричал латиноамериканец. - И свечи! Берите свечи!

Вскочили не только иностранные охотники, но и все, кто их занимал беседами с обхождением, а за ними и черные музыканты, вскочили, бросились к столикам со свечами у выхода из гостиной, разобрали, схватили

свечи, столики уронили на пол, кто-то указал: "Вон тем коридором! Тем!" - и неслись тем коридором, а куда - неизвестно, в темноту, в темноту, к привидению, толкались, ударяли друг друга локтями, лбами, ногами, били кулаками, бранились, оскорбляя при этом в высокомерии самоуважения малочисленные народы и малые государства, добежали, дорвались до лестницы, ведущей вниз, узкой, горной, чуть ли не винтовой, выложенной плитами известняка; подобные ходы в шестнадцатом веке устраивали внутри стен в боярских палатах и воеводских домах; прыгающий свет факела лишь немного облегчал движение, на лестнице вопили, стонали, матерились, всякий по-своему, и все же никто не погиб, не был задушен, измят или изодран в клочья. Прорвались, добежали. В подвале, в подклети при свете факела уселись на деревянные лавки под сводами из тесаного мячковского камня.

А дальше что? Что дальше? Куда неслись? И зачем?

(продолжение предполагается)

ИЗ "ШКОЛЬНОЙ АНТОЛОГИИ"

2. Олег Поддобрый

Олег Поддобрый. У него отец
был тренером по фехтованью. Твёрдо
он знал всё это: выпады, укол.
Он не был пожирателем сердец.
Но, как это бывает в мире спорта,
он из офсайда забивал свой гол.
Офсайд был ночью. Мать была больна,
и младший брат вопил из колыбели.
Олег вооружился топором.
Вошёл отец, и началась война.
Но вовремя соседи подоспели
и сына одолели вчетвером.

Я помню его руки и лицо,
потом - рапиру с ручкой деревянной.
Мы фехтовали в кухне иногда.
Он раздобыл поддельное кольцо,
плескался в нашей коммунальной ванной...
Мы бросили с ним школу, и тогда
он поступил на курсы поваров,
а я - фрезеровал на "Арсенале".
Он пёк блины в Таврическом саду.
Мы развлекались переноской дров
и продавали ёлки на вокзале
под Новый Год. Потом он, на беду,

в компании с какой-то шантрапой
взял магазин и получил три года.
Он жарил свою пайку на костре.
Освободился. Пережил запой.
Работал на строительстве завода.
Был, кажется, женат на медсестре.
Стал рисовать. И будто бы хотел
учиться на художника. Местами
его пейзажи походили на -
на натюрморт. Потом он залетел
за фокусы с больничными листами.
И вот теперь - настала тишина.
Я много лет его не вижу. Сам
сидел в тюрьме, но там его не встретил.
Теперь я на свободе. Но и тут
нигде его не вижу. По лесам
он где-то бродит и вдыхает ветер.
Ни кухня, ни тюрьма, ни институт
не приняли его. И он - исчез.
Как Дед Мороз, успев переодеться.
Надеюсь, что он жив и невредим.
И вот он возбуждает интерес,
как остальные персонажи детства.
Но больше, чем они, невозвратим.

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

**Учение —
свет, а
неучение —
чуть свет и
уже на работу.**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 33

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 108 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога